

Правительство Челябинской области

Министерство культуры Челябинской области

Министерство экономического развития
Челябинской области

Южно-Уральская торгово-промышленная палата

Администрация Кыштымского городского округа

«ПРОШЛОЕ — В НАСТОЯЩЕМ»

**Областная научно-практическая конференция,
посвященная 255-летию города Кыштыма.**

22 мая 2012.

Челябинск
2012

«Прошлое — в настоящем». Сборник докладов участников областной научно-практической конференции, посвященной 255-летию города Кыштыма. 22 мая 2012 г./Администрация Кыштымского городского округа, Южно-Уральская торгово-промышленная палата. — Челябинск, 2012. — 98 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие участникам конференции:

Бетехтин А.В., министр культуры Челябинской области.....5

Дегтярёв Ф.Л., президент Южно-Уральской
торгово-промышленной палаты.....7

Шеболаева Л.А., глава Кыштымского городского округа.....8

Стариков А.А. Кыштым — жемчужина Южного Урала.....9

Свистунов В.М. К вопросу истории народного дома в Кыштыме.....13

Свистунов В. М. Причины подъема и упадка
металлургического производства на Южном Урале в XVIII в.15

Палкин А.Г. Старообрядческая промышленность Урала
и Кыштымского округа.....29

Лушников А.В. Оранжереи дворянских усадеб XVIII в.:
Демидовская усадьба в Кыштыме.....36

Афанасьева О.Ю. Президент Гувер на Южном Урале.....44

Степанова Л.П. Благотворительные организации,
действовавшие на территории Урала в начале 1920-х годов.
На примере АРА — Американской администрации помощи.....50

Юрин В.И. Первый пещерный комплекс
Кыштымского городского округа.....62

Юрин В.И. Новые открытия в пещере Сугомакской.....64

Юрин В.И. Пещерные памятники и объекты
Кыштымского городского округа.....67

Шишов К.А. Индустриальное наследие Урала и его сохранение.....70

Научно-практическая конференция «Прошлое — в настоящем» _____

Новиков И.А. Кыштымский горный округ в Отечественной войне 1812 года.....	72
Лысанова Н.А. Мамин-Сибиряк. По кыштымским местам.....	76
Давыдовская Т.М. Литературный Кыштым.....	87
Новоселов В.Н. Агломерация Озерск — Кыштым: прошлое и настоящее.....	91
МОУ СОШ № 13 г. Кыштым. Проект по организации туристического маршрута «Демидовские заводы: история и современность».....	93
Резолюция областной научно-практической конференции «Прошлое — в настоящем».....	97

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сегодняшняя конференция открывает программу празднования юбилея города Кыштыма, города с богатой экономической и политической историей. Кыштым — эталонный уральский город. Он основан потомками Никиты Демидова и с первых десятилетий своей истории стал центром металлургического производства, а затем — административным, экономическим и культурным центром Южного Урала.

Заметный след в истории Кыштыма оставили династии заводчиков Демидовых, Расторгуевых, Дружининых. В городе жили и работали выдающиеся ученые: Дмитрий Иванович Менделеев, Павел Михайлович Карпинский.

О бурной и насыщенной истории города свидетельствуют многочисленные памятники Кыштыма. Это прежде всего памятник федерального значения «Усадьба Демидовых-Расторгуевых» — единственная в нашем регионе усадьба уральских заводчиков XVIII в. 12 лет назад областное управление культуры и администрация города начали реставрацию этого выдающегося памятника. К сожалению, квалификация наших проектных и реставрационных организаций оказалась недостаточной для восстановления такого сложного объекта, как Белый дом, было сделано немало ошибок и нарушений исторического облика усадьбы. Сейчас эти работы остановлены, и, наверное, самая главная наша задача — возобновить в 2013–2015 гг. реставрацию усадьбы Демидовых на новом, более высоком уровне.

Среди исторических городов Урала Кыштым выделяется уникальной промышленной архитектурой, оригинальными и величественными православными храмами, сохранившимися постройками в стиле модерн, конструктивизм, неоклассицизм.

В дореволюционное прошлое уходят истоки культурной жизни города-юбилея: с 1899 г. ведет свою историю Кыштымский краеведческий музей, с XIX в. в городе развивается театральная жизнь, в 1910 г. начал работать кинематограф.

Богатые культурные традиции города получили достойное развитие в последнее десятилетие. Активная деятельность отдела культуры, поддержка администрации города, городского Совета депутатов способствовали превращению Кыштыма в один из центров развития культуры. С 1985 г. в городе проводится региональный фестиваль «Русский хоровод», с 2000 г. — Всероссийский конкурс детского творчества «Роза ветров», с 2011 г. — Всерос-

сийский Бажовский фестиваль народного творчества, который в этом году планируется как международный.

Желаю участникам конференции успешной творческой работы, совместных проектов в истории и памятниковедении города-юбиляра и Южного Урала.

А.В. БЕТЕХТИН,
министр культуры Челябинской области.

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ!

Данное мероприятие, посвященное 255-летию города, собрало вместе ученых, исследователей, известных работников культуры и краеведов для того, чтобы обсудить культурно-историческое наследие Кыштыма.

История города неразрывно связана со славным прошлым нашей страны. На этой земле произошло много ярких событий, уходящих корнями в глубь столетий.

Кыштым обязан своему настоящему рождению в 1757 году династии Демидовых, поставивших на богатой озерами и подземными рудными кладовыми земле два железодельных завода.

Принимали кыштымцы участие в восстании Пугачева. Один из его отрядов под предводительством Ивана Грязнова стоял в Кыштыме.

Многое видел этот город, но сегодня Кыштым переживает свое второе рождение, еще больше хорошеет и расцветает. Восстанавливаются старинные улицы, исторические и архитектурные памятники, возводятся современные здания и жилые комплексы, развивается инфраструктура.

Улучшается социально-экономическая ситуация. В настоящее время в Кыштыме действует 16 предприятий металлургии, машиностроения, горнодобывающей промышленности, деревообрабатывающего производства, мебельная, обувная, трикотажная и кондитерская фабрики. Успешно ведет свою деятельность представительство Южно-Уральской торгово-промышленной палаты, содействуя развитию предпринимательства в городе и районе.

Искренне поздравляю всех горожан со знаменательной исторической датой.

Уверен, что данная конференция в полной мере осветит историю Кыштыма, привлечет внимание заинтересованных лиц к дальнейшему активному участию в развитии города.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы!

**Ф.Л. ДЕГТЯРЁВ,
президент Южно-Уральской
торгово-промышленной палаты.**

УВАЖАЕМЫЕ УЧАСТНИКИ И ГОСТИ КОНФЕРЕНЦИИ!

Искренне рада приветствовать вас на нашей гостеприимной и уникальной кыштымской земле! Всех нас, ученых и общественных деятелей, педагогов и работников культуры, краеведов и историков, жителей округа объединила и собрала благородная цель — забота о сохранении культурного наследия, достояния наших предков, которое является ярким свидетельством достижений многих поколений в различных областях жизни.

Город Кыштым обладает богатейшим потенциалом историко-культурного наследия, представленного четырьмя десятками редких памятников, в том числе федерального и областного значений. Наша территория является одним из интереснейших городских поселений Урала, который исследователи относят к особой категории городов-заводов с сохранением высокой концентрации памятников в традиционном ландшафтном окружении. Именно поэтому у широкого круга исследователей многие годы сохраняется неизменно высокий интерес к истории Кыштымского горного округа.

Бесспорно, определенные успехи в направлении сохранения историко-культурного наследия у нас имеются, но сделано далеко не все. Проведение областной научно-практической конференции «Прошлое — в настоящем» — это и стремление достойно представить Кыштым в мировом сообществе. Убеждена, что выработанные в ходе конференции рекомендации и предложения будут в дальнейшем способствовать определению принципиально новых подходов в деле обеспечения охраны, содержания и использования культурного достояния наших предков, помогут расширить круг сотрудничества и межведомственного взаимодействия, а также создать необходимые условия для дальнейшей интеграции усилий в решении данных проблем.

Желаю участникам плодотворной и интересной работы.

Л.А. ШЕБОЛАЕВА,
глава Кыштымского городского округа.

А.А. СТАРИКОВ,
профессор Уральской государственной архитектурно-художественной академии, заслуженный архитектор РФ, кандидат архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, г. Екатеринбург.

КЫШТЫМ — ЖЕМЧУЖИНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА

В новой постсоветской России перед ее городами и регионами остро встал вопрос их конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках территорий в борьбе за инвестиции, талантливых людей, новые технологии. Конечная цель этой гонки — экономический рост и повышение качества жизни граждан.

Одним из главных инструментов экономического роста городов являются стратегии их развития, повышение узнаваемости, актуализация особых культурных, исторических, рекреационных и других ресурсов на фоне конкурентов. Удачно сформулированный бренд, миссия и стратегия ее реализации расцениваются сейчас половиной успеха городского развития.

Малые, средние, да и крупные города России попали в этом отношении в сложную ситуацию. Недолгое время капитализма в конце XIX — начале XX веков не позволило создать основ внемонопольной экономики и рыночной инфраструктуры. Советская система директивной плановой экономики вновь ввергла страну в монопольную специализацию производства в городах с минимальной распределительной системой социальных благ и услуг, вызвав в 1990-е годы не только социально-экономический кризис, но и глубокую депрессию городов. Монопрофильность, падение объемов производства и услуг, безработица, тяжелая экономическая, социальная и культурная обстановка стали поистине муниципальной катастрофой. Бегство интеллекта в столичные и крупнейшие города приняло массовый характер. Не избежал этой ситуации и индустриальный город Кыштым.

Все многообразие факторов, оказывающих существенное влияние на городское развитие и повышение качества жизни горожан, можно свести к трем основным: промышленное производство, услуги населению и гостям города, качество городской среды. В традиционном советском градостроительстве

в качестве градообразующего фактора традиционно рассматривался только один — промышленное производство. В постиндустриальном обществе, в которое уже вступили развитые страны, акценты были перенесены на два остальных — сферу услуг и уникальные качества городской среды. Капитализация их оказалась не менее эффективной стратегией, дав толчок развитию малого предпринимательства и новой индустрии познавательного и рекреационного туризма. Целые страны Западной Европы живут и процветают благодаря им и услугам, связанным с ними.

Зная даже со стороны нераскрытый в должной мере природно-ландшафтный и культурно-исторический потенциал города Кыштыма, можно смело утверждать, что капитализация всех трех факторов городского развития явно не сбалансирована и направлена в пользу только промышленного ресурса.

Россия вплотную подошла к этой проблеме. Мы знаем масштабные работы в Москве, Санкт-Петербурге, Казани. Екатеринбург в своей стратегии впервые убрал акцент развития в качестве крупного промышленного центра, выбрав приоритетами научные, образовательные, культурные, транспортно-логистические и финансовые услуги. Свердловская область уже более 10 лет реализует масштабную Государственную целевую программу сохранения и популяризации культурного наследия. Объем ежегодных инвестиций в эту программу из разных источников уже превысил 1 млрд рублей. Сформулирована концепция туристического кластера «Уральский меридиан с ядром «Серебряное кольцо Урала».

Юго-Западное крыло «туристической бабочки» охватывает горнозаводский исторический район Южного Урала с будущими центрами в Кыштыме и Златоусте. Кыштым — явная жемчужина культурного наследия региона. Она, как и многие другие исторические центры Урала, прежде всего связана с деятельностью династии выдающихся предпринимателей, деятелей культуры, меценатов Демидовых, внесших существенный вклад в индустриальную модернизацию Российской империи, преодоление ее аграрного уклада, становление экономической и политической независимости нашей страны в XVIII — XIX вв.

Основателем Кыштымских и ряда других Южно-Уральских металлургических заводов был младший сын основателя династии Никиты Антuffьева (Демидова) — Никита Никитич (1696 — 1758). В 1809 году Демидовы продают их купцу первой гильдии, золотопромышленнику Л.И. Расторгуеву. Он и заканчивает формирование Кыштымского горного округа (всего 10 заводов) с центром в Верхнем Кыштыме. Статус центра горного округа с резиденцией владельцев, размещение ее в самом живописном месте Южного Урала — возле

подножия гор в царстве множества разновеликих озер, соединенных протоками и каналами, послужил основанием для крупных капиталовложений и создания одного из самых ярких горнозаводских ансамблей России. Сочетание зданий и сооружений высокого профессионального уровня с необычной живописностью городского ландшафта выдвинуло Верхне-Кыштымский завод в категорию уникальных произведений горнозаводской архитектуры и садово-паркового искусства. По своему размаху, выразительности, художественной и функциональной целостности мы не найдем даже близко стоящих аналогов ни на Урале, ни в Карелии, ни в Западной Европе. Путешественники называли эти места «русской Швейцарией» или «уральской Венецией».

Застройка не уступала в красоте природному ландшафту. От демидовских времен сохранилась Свято-Духовская церковь на острове типа восьмерик на четверике, построенная в барочных традициях XVIII в. На территории Южного Урала это древнейшая храмовая постройка, связанная с великой династией. По своему духу она сродни Походяшинским заводским храмам в Североуральске и Карпинске, также возведенным в последней трети XVIII в.

Н.Н. Демидов также заложил планировку завода и господской усадьбы, расположив ее на мысу в П-образном виде с садом, провиантскими складами и конторой. Усадебный сад он соединил с островом мостом, а вдоль берега пруда устроил пять плотин, «коиими накрыты низменные логовые места». Они же использовались в качестве мостовых переходов. Лев Расторгуев с подъемом продолжил и развил градостроительные начинания Демидовых, однако уже на более высоком профессиональном уровне, с использованием архитектурных форм и планировочных концепций французского классицизма.

К началу XIX века на уральских заводах уже сложилась зрелая архитектурно-градостроительная культура прежде всего благодаря влиянию профессиональных архитекторов горного ведомства — выпускников Санкт-Петербургской Императорской академии художеств. Фиксационный план В-Кыштымского завода 1846 года говорит о Расторгуевской конструкции по проекту незаурядного зодчего. Проект не только преемственно развивал Демидовские идеи, но и активно использовал яркую ландшафтную ситуацию, придав всему центральному ядру представительность и классическую композиционную завершенность.

Четырехчастный сложный архитектурный ансамбль состоял из квадратной в плане заводской площадки в виде каре, прямоугольной территории господской усадьбы на малом мысу, заводского, квадратного в плане театра на большем мысу и церкви на острове. Все это объединялось регулярной планировкой

паркового благоустройства и обносилось оградами наподобие Елисейских полей, раскрывающихся на акваторию заводского пруда. По своему размаху, выразительности, стилю, ландшафтной организации этот индустриальный архитектурно-ландшафтный ансамбль I половины XIX века не имеет аналогов во всей истории архитектурно-градостроительного искусства России.

Уникален и сам завод. Только на нем в начале XIX века засыпается внешняя прорез и ликвидируется сливной мост, а канал рабочего прореза появляется ниже производственной площадки, огражденной по ее центральной оси изысканной дугой литой чугунной оградой. Доминантой завода выступает комплекс доменного цеха, также расположенного по центральной оси. Замыкает ее шестиколонный портик сохранившегося сталеплавильного цеха. Углы завода фиксируют вспомогательные здания, образуя по обе стороны сталеплавильного цеха две обширные площади заводского двора с оградами и воротами.

Господская усадьба выстроена так же по оси симметрии. Основой усадьбы является господский («Белый») дом с курдонером перед ним, верандой и садом позади. Сам дом — двухэтажный с мезонином. Имеет трехчастное построение по схеме аристократических домов. Все три части украшены четырехколонными портиками. Средняя часть повышена, охватывая мансарду, имеет ступенчатый фронтон и коринфские капители в колоннах. Обратный фасад, обращенный на пруд, имеет широкую балкон-веранду и шестиколонный портик с обычным треугольным фронтоном.

По обе стороны дома, фланкируя его курдонер, устроены более ранние вытянутые хозяйственные помещения с мощными сторожевыми башнями, выполненными в древнерусском стиле. В последнее время специалистам удалось назвать имя архитектора, ранее приписывая авторство М.П. Малахову. Им оказался итальянский архитектор Томмазо Адамини (1764 — 1828). Возможно, он принимал участие и в проектировании главной усадьбы Л. Расторгуева в городе Екатеринбурге.

Усадьба и заводские площадки, почти соприкасаясь с углами, образовали главную предзаводскую площадь. На пересечении поперечной оси завода и продольной оси усадьбы был расположен изысканный литой переливной фонтан, позже передвинут на территорию господского дома. По своей величине и представительности господский дом в Кыштыме, безусловно, главенствует среди горных заводов Урала, уступая разве что господским хоромам Невьянского завода — первому родовому гнезду Демидовых или роскошной дворянской усадьбе Расторгуевых — Харитоновых в Екатеринбурге.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть уникальность и яркую вырази-

тельность горнозаводского ансамбля Верхне-Кыштымского завода, достойного лучших образцов мировой архитектурно-градостроительной культуры эпохи индустриальной модернизации XVIII — XIX вв.

Его культурно-исторический и рекреационный потенциал настолько существен, что может составить основу стратегии городского развития. Частью ее должно стать возрождение высокой культуры Кыштымо-Каслинского художественного чугунного литья. Вершиной ее был чугунный павильон Е.Е. Баумгартена, отмечен Гран-при на всемирной выставке в Париже в 1900 году. Развитие этих художественных промыслов так же может стать частью туристической индустрии и преодоления проблем моногородского развития.

Инструментом реализации этой стратегии может стать государственная целевая программа возрождения и актуализации культурного и природного наследия Челябинской области, используя механизмы частно-государственного партнерства, на что охотно идут федеральные органы власти. Страна древних и индустриальных городов Южного Урала должна раскрыть свои богатства для нашего глобального и мобильного мира уникальных ценностей прошлого.

В.М. СВИСТУНОВ,
кандидат исторических наук, г. Касли.

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ДОМА В КЫШТЫМЕ

Первоначальная инициатива строительства Народного Дома в Кыштымском заводе (название г. Кыштыма до 1917 г.) принадлежала его Общественному собранию. Природа происхождения последнего пока не выяснена. Известно, что оно имело Совет старшин. В 1911 г. в его состав входили: Поликарп Игнатьевич Фаддеев, Петр Алексеевич Лекарев, Николай Иванович Башков, Норман Робинсон, Василий Иванович Пискунов, Алексей Григорьевич Беляев. Главным распорядительным органом являлось общее собрание членов Кыштымского Общественного собрания.

Место под Народный Дом было выбрано на берегу заводского пруда. Крайняя дата начала строительных работ пока не определена. Тем не менее известно, что в конце 1911 г. здание было подведено под крышу и проводились внутренние отделочные работы.

Это недостроенное здание Народного Дома по договору от 9 декабря 1911 г. Общественное собрание передало вновь образованному обществу устройства народных развлечений. «Начатый Кыштымским Общественным собранием постройкою в Кыштыме на земле, принадлежащей Обществу Кыштымских горных заводов в Заречной части на берегу заводского пруда Народный Дом, — говорится в договоре от 9 декабря 1911 г., — Кыштымское Общественное собрание передает в полную собственность со всеми запасами материалов, исполненными работами, словом, со всем активом, из чего бы таковой не состоял на настоящее число и со всем пассивом, ... по устройству Дома, а Общество устройства народных развлечений принимает упомянутое имущество на изложенных условиях, обязуясь производить достройку Дома и в дальнейшем содержание его на свои средства».

По поводу Общества народных развлечений следует пояснить: в сущности оно являлось подразделением Акционерного Общества Кыштымских горных заводов и финансировалось за его счет. Председателем комитета являлся управляющий Верхне-Кыштымским заводом Николай Филиппович Вогулкин. В состав комитета Общества народных развлечений входила Ольга Николаевна Иванова — жена директора-распорядителя Общества Кыштымских горных заводов Филиппа Антоновича Иванова, Маргарита Федоровна Вогулкина — жена управляющего Верхне-Кыштымским заводом Н.Ф. Вогулкина.

Недостроенное здание было оценено со всеми строительными припасами и материалами на сумму в 2220 руб. 22 коп. Указанную сумму Общественное собрание согласно специальному договору об аренде помещений в Народном Доме от того же 9 декабря 1911 г. перечислило Обществу народных развлечений. Последнее в свою очередь предоставляло Кыштымскому общественному собранию в аренду пять комнат правого отдела (крыла) Народного Дома с правом пользования коридором и клозетами. Срок аренды, считая с 1 декабря 1911 г., был определен на пять лет с арендной платой по 600 руб. в год. Также Кыштымское Общественное собрание получало право пользования в Народном Доме зрительным залом, террасой и площадкой у правого отдела (крыла) здания, где планировалось проводить танцевальные и маскарадные вечера, игры и тому подобные развлечения. На тот период все помещения Народного Дома имели печное отопление, освещение же было электрическое. Согласно пункту 12 специального договора на аренду указанных помещений по окончании первоначального срока по согласию сторон он мог быть возобновлен на тех же условиях.

В.М. СВИСТУНОВ,
кандидат исторических наук, г. Касли.

ПРИЧИНЫ ПОДЪЕМА И УПАДКА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XVIII в.

Нам, ныне живущим в России, еще со школьной скамьи рассказывали и рассказывают о знаменитом родоначальнике династии Демидовых, его сыновьях и потомках. Смысл этих рассказов зачастую сводится к мысли о том, что основатель династии Никита Демидович Антуфьев, позднее Демидов, его сыновья Акинфий, Григорий, Никита, обладая недюжинными способностями, имея поразительную деловую хватку, сумели добиться в горнозаводском деле выдающихся успехов, тогда как их наследники только и могли, что бездарно растрачивать не ими нажитые капиталы, продавать заводы, а то и вести аморальный образ жизни. Иногда, в порядке «лирического» отступления, некоторые авторы добавляют мысль о том, что природа «отдыхает» на детях выдающихся исторических личностей. В качестве подтверждения приводилась и приводится статистика горнозаводского строительства XVIII — XIX вв.

Действительно, только за период с 1744 по 1770 гг. в южноуральском регионе было построено порядка четырех десятков чугуноплавильных, медеплавильных, железоделательных заводов. В середине же XIX в. уральская металлургия пришла в полный упадок. Почему?

Парадоксальность ситуации заключается в том, что до настоящего времени в отечественной историографии нет прямого и ясного ответа на вопрос, в чем истинная причина успешного развития южноуральской металлургии в XVIII в. и ее депрессивного состояния в XIX в. Все объяснения, связанные первоначально с наличием крепостного права, а потом с его пережитками, при непредвзятом изучении вопроса не выдерживают элементарной критики.

Дело в том, что какими бы талантливыми ни были уральские горнозаводчики, будь они все семи пядей во лбу, в деле развития металлургического производства им никак нельзя было обойтись без соответствующей эффективной промышленной политики государства. В данном случае важно понять, что в условиях неблагоприятной, в какой-то степени даже враждебной, промышленной политики невозможно запустить в действие ни одно, даже самое незначительное частное металлургическое производство.

Если проанализировать в совокупности основополагающие и подзаконные акты горного права России за период с 1719 по 1758 гг., то прослеживается общая для них тенденция, смысл которой сводится к декларации и законодательному поощрению частной инициативы в горнозаводском деле. Причем частной инициативы не каких-либо случайных лиц, а тех самых искателей полезных ископаемых, которым Берг-регламент 1739 г. (ст. 3) передавал преимущественное право перед землевладельцами на полезные ископаемые (Право первого). Другими словами, Берг-регламент 1739 г., провозглашая неограниченную горную свободу в России, тем самым инициировал и законодательно поддерживал развитие частной инициативы в самых важных отраслях промышленности — черной и цветной металлургии. Законодательная поддержка частной инициативы стала возможной только после провозглашения в 1719 г. и подтверждения в 1739 г. государственной собственности на недра земли (горной регалии).

Государство, предоставляя преимущественное право на недра искателю полезных ископаемых перед землевладельцем-вотчинником, тем самым максимально полно учло специфику земельных отношений в Уфимской провинции (Башкирии), составляющей, как известно, значительный процент территории вновь образованной Оренбургской губернии. Российское государство в лице сената и Берг-коллегии, исходя из общенациональных интересов, встало тогда на защиту частных интересов как горнозаводчиков, так и вотчинников-башкир, причем в равной степени. И до тех пор, пока соблюдался этот баланс интересов, горнозаводское производство на территории Оренбургской губернии — Южного Урала, без всякого преувеличения, интенсивно развивалось. Решающее значение в этом сыграл сенатский указ от 16 апреля 1744 г. Его восьмая статья (т.н. кондиций), причем единственная, отстаивающая интересы башкир, имела революционный характер. В ней башкирские вотчинники признавались, несмотря ни на что, равноценными участниками как горных отводов, так и всей купли-продажи земли в Оренбургской губернии (Южного Урала) вообще и в Уфимской провинции, в частности. В этой статье Сенат гарантировал башкирам, что «...за способные места и за надлежащий к заводскому строению лес и дрова имеет заводчик башкирцам платить по настоящей цене; также буде завод понадобятся отхожие их башкирские угодья, яко лес и другое тому подобное... в том договариваться заводчикам с ними башкирцами, как то и по состоявшемуся в ... 1739 г. 20 августа именному указу поступать с ними велено; и такие договоры и купчая писать поблизости, где пристойно, потом объявлять и записывать их в канцелярии Оренбургской комиссии (с 1744 по 1753 в Оренбургской губернской канцелярии) в чём они башкирцы, довольны оставшись

взятьём 2%, никакой жалобы приносить, не могут». Для отчетливого понимания вышеизложенного необходимо пояснить, что именной указ от 20 августа 1739 г. был дан генерал-лейтенанту князю Урусову, который возглавлял тогда Оренбургскую комиссию (известную Оренбургскую экспедицию 1734 г.). «За взятие у башкирцев под строение крепостей земли, ясак, что надлежит с тех земель по препорции с них снять, — говорится в десятом пункте этого указа, — и для чего оные земли у них взяты и что ясак за те земли с них башкирцев снимается, о том имеете Вы (начальник Оренбургской комиссии князь Урусов) старшинам их указами нашими объявить и в том их обнадёжить...» Таким образом, смысл восьмой статьи сенатского указа от 16 апреля 1744 г. сводился в первую очередь к тому, что помимо денежных выплат, которые горнозаводчики обязаны были и платили башкирам за пользование лесом и рудой в размере 2% от своей прибыли, с башкир частично снимался ясак, взимаемый в пользу российского государства. Причем его снятие осуществлялось пропорционально взятой под заводскую дачу лесной территории. Поэтому далеко не случайно сделанная в указе приписка гласит, что «...Они башкирцы довольны оставшись взятьём 2%, никакой жалобы приносить, не могут».

В связи с чем необходимо признать, что отводы башкирских лесов и земельных участков под горнозаводское строительство в период неограниченного действия горной свободы в России носили организованный и взаимовыгодный характер, а уральские горнозаводчики не являлись хищниками, ворами и обманщиками трудового башкирского населения. Все горные и лесные отводы на территории Оренбургской губернии, включая Уфимскую провинцию, в период неограниченного действия горной свободы 1744–1776 гг. проводились в соответствии с общегосударственными актами горного права России — Берг-привилегией 1719 г., Берг-регламентом 1739 г. и связанными с ними подзаконными актами. В силу того, что вышеуказанные акты горного права стимулировали в горнозаводском деле частную инициативу, то прямым следствием и явилось развитие частной предпринимательской деятельности в таких областях экономики России XVIII в., как промышленность, торговля, кредитно-финансовая сфера. Именно этими вышеуказанными обстоятельствами, причем в полной мере, и воспользовались наиболее яркие и талантливые представители российского купечества, дворянства, не побоявшиеся и вложившие свои капиталы в горнозаводское дело. Результатом всех вышеуказанных совокупных мер российского правительства в лице Сената, Берг- коллегии и частного капитала стал факт создания целой отрасли черной и цветной металлургии в слабозаселенных районах Южного Урала.

Отмена внутренних таможенных пошлин и попутных сборов (десятины) способствовали тому, что на Южном Урале в 1750-х — начале 1760-х гг. было построено наибольшее количество частных металлургических заводов. Подтверждением вышесказанному может служить перечень ввода в действие заводов по годам: 1751 г. — Иштерьяковский, Нязепетровский, Каноникольский; 1752 г. — Каслинский (постоянно); Богоявленский; 1753 г. — Архангельский; 1754 г. — Троицкий (Верхний); Архангельский (Шаранский); 1755 г. — Авзяно-Петровский (Верхний); 1756 г. — Авзяно-Петровский (Нижний); Вознесенский; 1757 г. — Благовещенский; Верхне-Кыштымский; Нижне-Кыштымский; Катав-Ивановский; Покровский; 1758 г. — Саткинский; Верхне-Торский; 1759 г. — Саралинский; Богословский; Усть-Катавский; 1760 г. — Юрюзанский; Симский; 1761 г. — Верхне-Уфалейский; Златоустовский; Усень-Ивановский; Нижне-Троицкий; Шермяитский; 1762 г. — Ирнянский.

Таким образом, эффективная промышленная политика в условиях Южного Урала XVIII в. стала возможной только благодаря государственной собственности на недра земли и «Праву первого», т. е. горной свободе. В связи с вышеизложенным и возникает вопрос: если принципы горной свободы столь эффективны, то почему они были отменены в России в 1782 г.?

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, руководивший до 1758 г. внешнеполитическим ведомством России, несмотря на происки своих явных и тайных недругов, твердо придерживался курса сближения не с Францией, а с Австрией. Данное обстоятельство и сыграло роковую роль не только в судьбе самого А.П. Бестужева-Рюмина, но и России в целом. В результате многоходовых придворных интриг, где не последнюю роль сыграла принцесса Ангальт-Цербстская, некогда всемогущий канцлер впал в немилость к императрице Елизавете Петровне. В результате чего манифестом от 27 февраля 1758 г. за оскорбление Её Императорского Величества канцлер был лишен всех чинов и достоинств и отправлен в ссылку. С его уходом с политической арены претерпела изменение не только внешнеполитическая линия, но и промышленная политика России. Дело в том, что, невзирая на многочисленные обвинения во взяточничестве, Бестужев-Рюмин проводил свой внешнеполитический курс исключительно в интересах России. При его поддержке была предпринята в 50-х годах XVIII в. попытка вытеснения шведского железа с английского рынка металлов. Для снижения себестоимости российского и особенно уральского железа были отменены внутренние таможенные пошлины. Претерпела изменения и налоговая политика. Для снижения себестоимости вывозимого за границу железа, а значит, и продажной цены на английском рынке, с 1754 г.

был отменен сбор попудных пошлин с выплавляемого чугуна на всех металлургических заводах России.

Вышеуказанные обстоятельства шли в разрез с интересами тех российских сенаторов, которые брали взятки от иностранных, в частности, шведских дипломатов, не считаясь с национальными интересами России. В результате более чем двухлетней «подковерной» борьбы в российском сенате с минимальным перевесом победила группа сенаторов, возглавляемая князем Никитой Юрьевичем Трубецким. Осенью 1760 г. Н.Ю. Трубецкой выступил в сенате с предложением об отмене запрета на сбор попудных пошлин с металлургических заводов России. Определением сената от 12 октября 1760 г. было решено поручить действительному статскому советнику Шлаттеру выработать соответствующие предложения. В свете новых веяний Шлаттеру ставилась задача: «Представить своё мнение о том, каким наилучшим образом наградить потерю до того упущенной десятины...» (ГАСО. Ф. 101. ОП.1. Д.411. Л. 35 об.). Это мнение было представлено сенату 11 июня 1761 г.

Из того, что предлагал Шлаттер, следует, что организаторы отмены запрета на выплату десятины планировали вернуть ее как минимум в прежних размерах, обязав при этом выплачивать десятину с 1754 г. тех заводчиков, которые не вывозили медь и железо за границу. Особый интерес вызывает стремление организаторов этой кампании взять под контроль не только цены на все виды железа, но и его производительность. «Ограничить количество делаемого железа так, чтоб излишество и неумеренность оно не могли делать подрыва в ценах при продаже за море, — говорится в шестом пункте мнений, — а сколько в каждый год наделывать о том для наблюдения и постановлению препорции Берг-коллегии сношение иметь с Коммерц-коллегией» (ГАСО. Ф.101. ОП.1. Д. 411. Л. 36 об.). К чему это могло привести при возвращении к практике взимания десятины и увеличении ее размера, а также введении нового подоменного налога, который, как и десятина, были удвоены на период войны с Турцией? Вполне ожидаемо, что при увеличении только налогового бремени неизбежно должен был произойти рост цен на все виды железа и меди как на внутреннем, так и внешнем рынках. А если еще сократить производство железа, как это предлагал Шлаттер?

Факт повышения налогов и сборов подтверждается правительственными указами и архивными документами из фондов заводов Южного Урала XVIII в. За период с 1762 по 1794 гг. налогообложение с металлургических заводов повысилось первоначально в два, а затем в четыре раза. Как и следовало ожидать, за налогами поднялись и цены на железо. В указе от 21 декабря 1765 г. по этому поводу говорится, что «... полосовое и сортовое железо на внутреннее

употребление от промышленников и других торгующих оным людей, против продажи в заморский отпуск, продается весьма неумеренно дорогою ценою...» (ПСЗ., 1830. Т. 17. С.467.).

В указе от 23 сентября 1773 г. с характерным названием «О непродавании привозимого с Гороблагодатских заводов железа в одне руки более 10 пудов вдруг» отмечается, что «...во внутренних городах обыватели от дорогих продажных заводчиками цен железу, несут не малую тягость; и велено...Гороблагодатское железо развозить в Москву и во внутренние города...сверх истинных заводских цен, провоза и содержания на месте магазина, с прибавкою прибыли от 25 до 30 коп. Которая продажа поручена городским канцеляриям и магистратам..., а смотрение поручено самим губернаторам, не взирая однакож на сие к пользе народной сделанное учреждение, нашлись такие люди, которые...забирая все то по городам развозимое железо большим количеством в немногие руки, развозят сами по уездам, накладывая на оное большие барыши, продают уже весьма по неумеренным ценам» (ПСЗ., 1830. Т. 19. С. 833.). В целях предотвращения спекулятивной торговли казенным железом правительство Екатерины II и выпустило вышеназванный указ, заблаговременно вынеся свое решение в его заголовок: «О непродавании...железа в одне руки более 10 пудов...».

Мнение Шлаттера стало не только отправной точкой в изменении налоговой и промышленной политики России. Как показывают дальнейшие события, его 10 пунктов стали своеобразным программным документом, которым руководствовался ряд высших сановных лиц государства и членов сената во главе с Н.Ю. Трубецким. Именно Трубецкой и его окружение при поддержке первоначально Петра III, затем Екатерины II изменили внутривнутриполитический курс сообразно самым одиозным планам Шлаттера. Начиная с правления Петра III, промышленная политика России уже не отвечала ее общенациональным интересам. В соответствии с измененным политическим курсом смотрит по-другому и тот факт, что одновременно с отменой запрета на выплату десятины была запрещена покупка крепостных крестьян к заводам как лицам не- дворянского происхождения, так и самим дворянам. Указ от 29 марта и подтверждающий его от 8 августа 1762 г. негативно сказались не только на интересах частных промышленников, которые строили металлургические заводы на Южном Урале, но и имели далеко идущие последствия.

Общеизвестно, что в XVIII в. наибольший прирост металлургического производства достигался экстенсивными методами. Чем больше вводилось в строй металлургических предприятий, тем большее количество железа и меди давала эта отрасль. В России же 50-х — начала 60-х гг. XVIII в. наибольший при-

рост металлургического производства наблюдался в Оренбургской губернии, занимавшей тогда всю территорию Южного Урала. В этой связи правомерно говорить об образовании, в указанный период, нового южноуральского металлургического района, принадлежавшего исключительно частным горнопромышленникам. За период с 1744 по 1762 гг. на Южном Урале было построено более 30 частных чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов и сохранялась тенденция к их увеличению. К примеру, только дворянин Демидов должен был ввести в строй в 1763–1764 гг. Азяш-Уфимский, Кеолимский чугуноплавильные, Шемахинский железоделательный заводы. На первых двух предполагалось построить, аналогично Златоустовскому заводу, по две доменные печи и по три кричных фабрики. Разрешение на их строительство дворянин Демидов получил в 1759–1760 гг. Понятно, что с выходом указов от 29 марта и 8 августа 1762 г. Демидов, как и другие частные горнопромышленники, строившие заводы на Южном Урале, лишились одного из важных источников пополнения рабочей силы. Попытка приписать государственных крестьян к вновь строящимся заводам также закончилась ничем. Запрет на покупку крепостных и приписку государственных крестьян начала 60-х гг. XVIII в. сказался самым неблагоприятным образом на развитии металлургического производства в Оренбургской губернии (Южного Урала). Ставка на свободную рабочую силу, как это предписывали указы от 29 марта и 8 августа 1762 г., в условиях удаленности региона от обжитых районов Приуралья и Западной Сибири оказалась неэффективной. По свидетельству заводских контор южноуральских заводов, было просто невозможно найти нужного количества вольнонаемных рабочих рук с паспортами, необходимых не только для металлургического строительства, но и для действующего производства. «Малолюдие», если следовать терминологии тех лет, являлось сдерживающим фактором развития металлургического производства на Южном Урале. С выходом указов, запрещавших приписку государственных и покупку крепостных крестьян, темпы роста металлургического строительства и, соответственно, производства резко упали. В этой связи совершенно по-другому в русле нового курса, направленного на сдерживание металлургического производства в России, смотрится и указ от 17 июля 1762 г. «О запрещении дворянину Н.Н. Демидову строить заводы на Азяше и Кеолиме» (ОГЧО. Ф. И-227. ОП. 1. Д.3. Л.100.).

Тот факт, что мнение Шлаттера стало основой нового курса, направленного на разрушение прежней промышленной политики, подтверждается и другими актами горного права, изданными в период с 1762 по 1794 гг. Правительственные указы, регулирующие такие сферы металлургического

производства, как наем рабочей силы, отвод лесорудных участков к заводам, выдача разрешений на их строительство, были сведены к банальным запретам и ограничениям. И это помимо налогов и сборов с заводов металлургии, которые были повышены к 1794 г. в четыре раза. В создавшихся условиях источниками пополнения числа мастеровых и работных людей стали переводы по дворянской привилегии крепостных крестьян и прием беглых старообрядцев к заводам. Из-за того, что эти два источника пополнения рабочей силы имели теневой характер, они не могли в нужное время и в полном объеме обеспечить возросшие нужды металлургического производства. По этой причине формирование необходимого штата мастеровых и особенно работных людей, занятых на вспомогательных заводских работах (рубке дров, выжигании угля, перевозки руды и т. п.) затягивалось на неопределенный срок, что также сдерживало, а то и прекращало рост производства. К тому же указ от 29 марта 1762 г. помимо запрещающих мер оказал негативное влияние на социально-политическую обстановку в регионе. С его выходом приписные крестьяне в массовом порядке оставили заводские работы и разошлись по своим домам. В указе от 9 апреля 1763 г. по этому поводу говорится, что «... злоумышленные между ними (крестьянами) подали повод некоторыми истолкованиями сенатского указа от 21 (29) марта 1762 г. о непокупке... фабрикантам и заводчикам деревень и чтоб оные довольствовались вольными работниками. А к тому нашлись еще такие бездельники, которые в подтверждение тому и манифест сами, сочинив, между крестьянами публиковали, и крестьяне, как простой народ, тому и другому... поверив, не токмо пришли в непослушание, но и в некоторое возмущение... причем, Берг-коллегия имеет всем заводчикам объявить, что крестьяне яко не сами к ослушанию причиною, но по простоте своей поверили людям злоумышленным и потому работу якобы по указу покинули...» (ПСЗ., 1830. Т.16. С.215.). В результате этих событий и было принято решение правительства о запрещении новой приписки государственных крестьян к частным металлургическим заводам.

Указом от 27 мая 1769 г. «О вновь положенных плакатных ценах» были подняты расценки труда тех приписных крестьян, которых правительство оставило работать при заводах за подушный оклад (ПСЗ., 1830. Т. 18. С.896.).

Эти обстоятельства также не могли не сказаться на повышении себестоимости продукции металлургических заводов Южного Урала и повышении цен на железо в России.

Если проанализировать указы 60-х гг. XVIII в., которые регулировали таможенную политику, то и они подтверждают антинациональный прошведский

характер политического курса правительства Екатерины II. Подтверждением сказанному является указ от 30 апреля 1768 г. о ввозных и вывозных таможенных пошлинах в Рижском порту. Обер-инспектор Даль, видя ущемление интересов российских промышленников в торговле железом в Риге, предложил уменьшить таможенную пошлину на российское железо (ПСЗ., 1830. Т. 18. С.534–535.). Не трудно предположить об ответной реакции правительства Екатерины II. Формально прикрываясь интересами пополнения казны, фактически оно нанесло еще один, пусть не смертельный, но весьма болезненный удар по торговле уральским железом в Рижском порту. «Что ж принадлежит до сбавки с российского отпускаемого из Риги за море железо пошлин, а вместо того о наложении на привозное в оную из Швеции, — говорится в заключительной части указа от 30 апреля 1768 г., — то в рассуждении маловажного оного оттуда привоза, а от сбавки с российского железа пошлин казенного убытка, не чинить» (ПСЗ., 1830. Т. 18. С.535.). Для правильного понимания ситуации следует пояснить, что к 1768 г. шведское железо привозилось в Ригу уже в немаловажных объемах и составляло все возрастающую конкуренцию уральскому железу, из-за чего обер-инспектор Даль и подал прошение о снижении пошлин на российское железо.

Итак, в качестве краткого итога следует отметить, что в течение 60-х гг. XVIII в. правительство Екатерины II восстановило, а потом и повысило сбор налогов со всех металлургических заводов России. Данное обстоятельство привело к росту цен на российское железо как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Также из-за медленного увеличения объемов поставляемого качественного уральского железа на английский рынок шведское железо, поставляемое туда в больших объемах и по более низким ценам, все больше его замещало. Тем не менее этих сдерживающих мер оказалось недостаточно для того, чтобы Швеция окончательно вытеснила Россию с английского рынка металлов. Тогда-то правительство Екатерины II и предприняло попытку прямого запрещения строительства заводов на Южном Урале. Начало кампании по запрещению строительства заводов в Оренбургской губернии (Южном Урале) было положено проектом Оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа от 11 января 1770 г. (Мат. по ист. БАССР., 1956. Т. IV. Ч.2. С. 483.). По мнению Рейнсдорпа, если и дальше развивать строительство заводов, то может наступить полное истребление лесов. Он полагал, что небольшая и известная прибыль от излишнего умножения заводов сделает немалый вред и принесет ущерб государству. Главной мыслью губернатора было утверждение, что якобы имевшееся количество чугуноплавильных и медеплавильных заводов в Оренбургской губернии на 1770 г. (до

сорока) является достаточным и на этом надо остановиться. (Мат. по ист. БАССР, 1956. Т. IV. Ч.2. С. 483.). Предложение Рейнсдорпа о прекращении заводского строительства было рассмотрено в Берг-коллегии. Однако окончательного решения тогда не было принято. Запрет на строительство металлургических заводов в Оренбургской губернии был принят после подавления Пугачевского восстания. Указом сената от 13 июля 1776 г. было окончательно запрещено строительство чугуноплавильных, железоделательных, медеплавильных заводов на территории Оренбургской губернии (Южного Урала) (Мат. по ист. БАССР, 1960. Т. V. С. 512–513.).

Для четкого понимания указа от 13 июля 1776 г. необходимо знать всю его предысторию, включая не только содержание проекта Рейнсдорпа, но и ход Пугачевского восстания. Как это ни покажется парадоксальным, но между его проектом и пугачевскими событиями с участием в них башкирского войска прослеживается прямая взаимосвязь. В данном случае нелишне напомнить, что в отечественной историографии нет четкого объяснения того, кто и почему сжег практически все частные металлургические заводы в Оренбургской губернии весной — летом 1774 г. И это далеко не случайно. Пугачевское восстание 1773–1775 гг. стало своеобразным камнем преткновения как для дореволюционных, так и для советских историков. Дореволюционная историография не могла объективно изучить тему Пугачевского восстания, т. к. продолжительное время на ней стоял гриф секретности. Советская историография, зашоренная идеологическими рамками и зацикленная на теории классовой борьбы, в силу противоречивой роли, которую сыграло башкирское войско в движении Пугачева, органически не могла изложить события в их истинном свете, тогда как ключом к пониманию причин уничтожения частных металлургических заводов в Оренбургской губернии является признание факта, что башкирское войско находилось на стороне Пугачева только до весны 1774 г.

Пугачев и его сторонники были крайне заинтересованы в военно-политическом союзе с башкирами. Именно поэтому значительный процент воззваний, призывов и манифестов был написан на арабском языке. Также следует особо подчеркнуть, что с начала восстания и до весны 1774 г. все горнозаводское население Южного Урала, проживавшее при заводах, точно так же, как и башкирское население, признав власть Пугачева — Петра III, объявило себя его подданными. Именно в этот период заводское население Оренбургской губернии просило и получало от имени вновь явленного «императора» т. н. охранные грамоты. Как правило, их выдавал сам Пугачев или его наместники. В этих охранных грамотах башкирским военным людям

запрещалось нападать на заводских жителей, разорять и жечь заводы. До тех пор, пока в Оренбургской губернии, включая башкирские волости, оставались пугачевские наместники и подвластные им военные отряды, о массовых заводских поджогах не было и речи. Именно по причине военно-политического союза заводских жителей и башкир воевода Исетской провинции Веревкин и хотел для выполнения карательной миссии призвать военные отряды киргиз-кайсаков (казахов). В рапорте генералу Де Колонгу от 27 февраля 1774 г. он так излагал свою точку зрения: «Прошу... от всех крепостей... снять со всеми их гарнизонными командами и вывести внутрь провинции, на сей же случай, призвав киргиз-кайсаков и послав на все те бунтующие слободы разорение...» (Дмитриев-Мамонов, 1898. С. 66.).

Инициатива уничтожения мятежных заводов, жители которых добровольно перешли на сторону Пугачева, была поддержана правительством Екатерины II, но с некоторыми оговорками. Вместо открытия границы и призыва казахских военных отрядов было решено использовать в качестве полицейских войск башкирские военные отряды. Через преданных правительству Екатерины II старшин, мулл, ахунов военные предводители башкир были поставлены перед выбором. Они или добровольно переходят на сторону Екатерины II и выполняют все ее приказы и получают прощение за участие в восстании, или, в случае отказа, всем башкирам грозит гибель, депортация во внутренние районы России. В обращении к восставшим башкирам говорилось: «Ныне вам последнее пишем и просим...скорее придти в прежнее своей...государыни повиновение и послушание, а находящихся у вас русских разбойников всех...выдать или самим приводить в города и крепости...без промедления,...чем, конечно, загладите свою вину и в принесенном повиновении почувствуете милость и оставлены не будете без должного награждения. Затем, непокорные, когда...нашего письма не слушаете, то вскоре увидите себя от идущих со всех сторон российских войск во всей погибели и разорении...». В сущности выше приведенное обращение к башкирам является ультиматумом в форме дилеммы.

Помимо лояльно настроенных к Екатерине II башкирских старшин и служителей ислама для «уговоров и увещевания» в башкирские волости Оренбургской губернии был направлен бывший воевода Исетской провинции подполковник Лазарев. В апреле 1774 г., следуя с военным отрядом из Екатеринбурга в Челябинскую крепость, подполковник докладывал, что «приводит к повиновению и присяге тамошних жителей».

В результате угроз и обещаний башкирское войско было повернуто против русского горнозаводского населения губернии. При этом на башкирские

военные отряды была возложена исключительно карательная миссия. Они должны были сжечь те заводы, население которых «добровольно и бес спору» перешло на сторону Пугачева. В противном случае их самих ждала подобная участь. В силу того, что большинство жителей южноуральских заводов встречало Пугачева и его атаманов хлебом-солью, то башкиры и сожгли почти все металлургические заводы Южного Урала. Уцелели единицы только потому, что заводские жители сумели их отстоять. Правительственные войска, стянутые к весне 1774 г. в Оренбургскую губернию, не препятствовали уничтожению заводов. Не случайно премьер-майор Гагрин, внявший просьбам заводских жителей Верхне-Кыштымского завода и спасший его от сожжения, был разжалован и отдан под суд. Документальным подтверждением факта уничтожения башкирами южноуральских заводов является ряд архивных дел, связанных с деятельностью комиссии статского советника И.Е. Глебовского и надворного советника Н.В. Перфирьева. Часть из них отложилась в РГАДА, одно дело выявлено в ОГАЧО. Ф. И-170. ОП.1.Д. 1. «О ликвидации последствий разрушений заводов Пугачевым за 1774 г.». В деле содержится ведомость «О таких заводах, которые сожжены и пограблены совсем». С аналогичными ведомостями в свое время работал Кашинцев. На их основе он опубликовал сводную таблицу разрушенных и сожженных заводов. Таблица имеет приложение, которое содержит выписки-цитаты из разных дел фонда Берг-коллегии, где, в свою очередь, указываются даты остановки заводов и их перехода на сторону Пугачева, даты сожжения заводов башкирами, а также конкретные сведения о причиненном ущербе. При их перепроверке, путем сопоставления с архивными данными, полученными в ОГАЧО (Ф.И-170.ОП.1.Д.1; Ф.И-172.ОП.1.Д.436. и др.), приведенные в выписках-цитатах даты и факты совпадают, причем в некоторых случаях дословно. И самое главное — вновь выявленные архивные документы подтверждают содержание выписок-цитат Кашинцева о том, что практически все металлургические заводы, население которых «добровольно и бес спору» перешло на сторону Пугачева, в мае-июне 1774 г. были сожжены башкирскими военными отрядами.

Как выясняется, не так трудно установить причастность башкирского войска к уничтожению заводов Южного Урала. Для этого достаточно поднять архивные дела соответствующего периода, в связи с чем возникает еще один, но главный вопрос: чей именно приказ выполняло башкирское войско, когда весной-летом 1774 г. уничтожало частные металлургические заводы Оренбургской губернии (Южного Урала)? Для того чтобы правильно определить, кто именно отдал приказ на сожжение заводов, Пугачев или Екатерина II, существует, как минимум, два пути. Первый сводится к тому, чтобы выявить в архивах документальные свиде-

тельства, которые бы прямо указали на организаторов вышеуказанной акции. Учитывая антигосударственный антинациональный характер процесса уничтожения заводов в Оренбургской губернии в мае-июне 1774 г., представляется весьма проблематичным обнаружение таковых письменных источников. Поэтому более эффективным, в данном случае, представляется второй путь, смысл которого сводится к тому, чтобы по ответной реакции правительства Екатерины II на предложенную башкирам дилемму определить истинных вдохновителей сожжения металлургических заводов. Не лишне напомнить, содержание этой дилеммы сводилось к тому, что в случае предательства Пугачева и его сторонников и быстрого перехода башкирских отрядов на сторону Екатерины II все башкиры, включая военных предводителей, получают прощение и «довольное вознаграждение». Именно в такой последовательности: предательство — вознаграждение. В случае отказа всем башкирам предрекалась гибель, депортация.

Итак, что предприняло правительство Екатерины II после того, как Пугачев и его верные сторонники были казнены, а частные металлургические заводы Оренбургской губернии сожжены? Предводителям башкирского войска — Юлаю, Салавату и другим была сохранена жизнь. Не случайно в сводной ведомости колодников, содержащихся в Тайной экспедиции, была сделана запись о том, что ни один из башкирских предводителей не был подвергнут физическим наказаниям. Данный факт, совершенно закономерно, оспаривался советскими историками, но убедительных доводов так и не было приведено. Советскими историками замалчивался и тот факт, что Салават Юлаев умер своей смертью 26 сентября 1800 г. в Балтийском порту (ЦГИА ЭССР. Ф.29. ОП. 1. Д. 42. Л.49.), тогда как казаки из ближайшего окружения Пугачева были казнены с особой жестокостью. Помимо самого Пугачева в Москве был четвертован яицкий казак Афанасий Перфильев. В Уфе принял смерть через отсечение головы и сжиганием тела вместе с эшафотом яицкий казак Иван Чика (Зарубин). К смертной казни через повешение были приговорены яицкий казак Максим Шигаев, оренбургский казачий сотник Подуров, оренбургский неслужилый казак Василий Торнов. Другие казаки приняли наказание кнутом, плетьюми, им поставили клейма, вырвали ноздри и отправили кого на каторгу, кого на поселение. Из всех казаков, участвовавших в восстании, были освобождены от наказания только девять человек. Их имена названы в указе от 10 января 1775 г. (ПСЗ., 1830. Т. 20. С.7.) В то же время в этом указе нет даже упоминания об участии на стороне Пугачева башкирского войска.

В данном случае следует особо подчеркнуть, что никто из башкирских воинских людей, принимавших участие в Пугачевском восстании и в уничтожении

заводов Южного Урала, не понес никакого наказания. Более того, через два года после казни Пугачева все отличившиеся в карательных действиях башкирские воины были представлены к правительственным наградам. В указе от 22 ноября 1776 г. было предписано, что «...Ее Императорское Величество ...удостоя высочайшим рассмотрением, оказанную во время минувшего возмущения службу, описанных в...экстракте башкирцев и татар,...повелеть соизволила, по краткому реестру учинить всем им отмеченное противу каждого имени награждения» (ПСЗ., 1830. Т. 20 С. 455.).

В качестве вознаграждения указ от 22 ноября 1776 г. предусматривал: «1. Всех тех из татар и башкирцев, против имени которых назначено награждение офицерскими чинами, призвав в Сенат...и привесть по их закону к присяге; 2. Которым назначено получить денежное награждение, тем оное выдать из штатс-конторы, из числа оставшихся у господина генерал-аншефа...графа Панина суммы...3. Коим полагается меньшей пропорции по...штемпелю золотые и серебряные медали, сделать оные Берг Коллегии в Монетном департаменте; 4. О тех башкирцах и татарах, которые по реестру назначены выключению из подушного оклада вечно, коих положено уволить...на четыре года, которым полагается сделать позволение в торговом промысле, в заведении заводов и в переселении...все они на рассмотрение генерал-прокурора; 5. ...до пожалованных иным из татар и башкирцев на кафтаны сукон и сабель, то оные купить за сукно не более 5 рублей за аршин, а за саблю 30 рублей каждую, и отдать им оные от Е.И.В. имени в сенате» (ПСЗ., 1830. Т. 20. С. 455.).

В одном из прошений башкирских депутатов, поданном в 1793 г. императрице, перечисляются дарованные башкирам после 1774 г. царские милости (Мат. по ист. БАССР, 1960. Т. V. С. 567.). В этом перечислении благодарностей нет только упоминания о том, что с 1776 г. на территории Оренбургской губернии (Южного Урала) было прекращено отчуждение башкирских вотчинных земель под заводы. (Мат. по ист. БАССР, 1960. Т. V. С.568.). Строительство новых заводов в Оренбургской губернии влекло за собой, на законных основаниях, прописанных в Берг-привилегии 1719 г., Берг- регламенте 1739 г., отвод новой башкирской территории с лесами и рудными месторождениями. Если же запретить новые лесные отводы, ради сохранения лесов, принадлежавших башкирам на вотчинном праве, то вопрос строительства заводов отпадал сам собой. Указ сената от 13 июля 1776 г. это и выполнил. (Мат. по ист. БАССР, 1960. Т. V. С. 512–513.).

Анализ указа от 13 июля 1776 г. свидетельствует, что в его содержании нет прямого предписания на запрет строительства заводов в Оренбургской

губернии. Тем не менее это не означает, что указ не является запрещающим. Он лишь отсылает к проекту Оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа от 11 января 1770 г., который и предлагал, что ради сохранения лесов необходимо прекратить дальнейшее металлургическое строительство в Оренбургской губернии. Другими словами, понимание указа от 13 июля 1776 г. достигается только в том случае, если точно знать смысл предложения Рейнсдорпа. Заключение же формулировка указа «...поныне построенные в Оренбургской губернии горные заводы и оставить в их действии...» означает, что построенные, затем сожженные и снова восстановленные металлургические заводы Оренбургской губернии (Южного Урала) могут оставаться в действии, но других, новых заводов быть не должно. После этого ни центральная, ни местная власть царской России никогда больше не делали попыток к его пересмотру.

Таким образом, указ сената от 13 июля 1776 г. дезавуировал основополагающие акты горного права (Берг-привилегию 1719 г., Берг-регламент 1739 г.) на отдельно взятой территории — Оренбургской губернии (Южного Урала) еще до отмены государственной собственности на недра земли, которая произошла в России в 1782 г. Тем самым через 15 лет после провозглашения 10 пунктов Шлаттера была достигнута их главная цель — прекращение роста металлургического строительства, а значит, и прекращение роста металлургического производства в России.

А.Г. ПАЛКИН,
научный сотрудник Института степи УрО РАН,
г. Оренбург, кандидат юридических наук

СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УРАЛА И КЫШТЫМСКОГО ОКРУГА

Весьма значительными, хотя они и остались малозамеченными, были связи старообрядчества с ростом русского народного хозяйства, в частности, русской промышленности, причем технологически — самой прогрессивной, а в политическом и военном отношении — самой важной ее отраслью, с промышленностью горно-металлургической. Если в XVIII и в начале XIX века Россия стояла на первом месте в мире по производству железа и оказалась в значи-

тельной степени благодаря этому одной из самых сильных военных держав, то этому она была обязана уральской металлургии, в которой командующую роль играли старообрядцы-металлурги.

Как и на Севере, старая вера развивалась на Урале почти что одновременно с зарождением там металлургической промышленности. Конечно, это была чистая случайность, что всего лишь через двадцать с небольшим лет после того, как в 1631 г. на Урале был построен первый Нитсинский завод, там начало распространяться старообрядчество. Аввакум на своем пути из Москвы в Тобольск и потом обратно по дороге из сибирской ссылки на родину неустанно, со всем свойственным ему энтузиазмом призывал местное русское население не принимать нововведения и не идти на компромисс с «врагами православия». Упорство и непримиримый фанатизм были отличительной чертой уральского и сибирского старообрядчества, во многом очень похожего на северное беспоповство и определенно связанного со старой верой Севера.

Проникновению старой веры на Урал и в Западную Сибирь содействовали и пути сообщения, связывавшие как раз главные центры старообрядчества в России с русскими новыми азиатскими владениями. Помимо Севера центр России тоже дал Уралу и Сибири немало старообрядцев, которые двигались по Волге и Каме на восток к Уральским заводам и дальше в Сибирь. Главным этапом на пути этой, уже не беспоповской, а поповской старообрядческой эмиграции стал Керженец — поповский центр около Нижнего Новгорода.

Блестящие промышленники и финансисты Никита Демидов и его сын Акинф были твердыми последователями и приверженцами старой веры. Эти почитатели старой веры широко открыли двери своих предприятий для старообрядцев, и не будет преувеличенным сказать, что коммерческое и техническое руководство их промышленной империи до начала, даже до середины XIX века было почти целиком в руках старообрядцев.

Невьянский завод, ставший в 1702 г. первым этапом демидовской экспансии на Урале, явился в то же время и первым центром старообрядческого движения в этом районе. Из Невьянского завода старая вера перебросилась в 1721–1725 гг. на Выйский и Верхнетурский, а оттуда стала распространяться и на другие уральские заводы.

Акинфий Демидов, сын Никиты, основателя этой промышленной династии, успел уже проникнуть не только в правительственные и придворные круги, но и в местную знать и успешно там защищал своих старообрядческих горнозаводчиков и технократов-металлургов и их подчиненных. Вместе с ним по этой линии старался и другой владелец уральских предприятий, представитель

стариннейшей русской промышленной семьи, барон Строганов, тоже вышедший, но гораздо раньше Демидовых, из капиталистов-предпринимателей в русскую знать.

Не случайно олонечские мастера порекомендовали Геннину построить новый центр уральской горной промышленности, названный им Екатеринбургом, всего лишь в нескольких верстах от скита Шарташ, старейшего религиозного центра уральского поповского старообрядчества, который сохранил свое влияние на весь Урал и в XIX веке.

Второй после Демидовых по влиянию на Урале горнопромышленной «династией», которой принадлежали многие заводы в Красно-Уфимском уезде, были старообрядцы Осокины, основавшие Иргинский, первый из своих заводов, в 1730 г. Первый в горнопромышленной династии Осокиных, Петр, был тайным старообрядцем, сын же его Михаил официально объявил себя приверженцем старой веры.

На Урале распространителями старой веры являлись представители высшей заводской администрации, специалисты, мастера и вообще вольнонаемный, работавший по контрактам персонал. Основная масса уральских простых, неквалифицированных рабочих состояла из крепостных крестьян, приведенных сюда из внутренней России своими владельцами или причисленных к казенным заводам по распоряжению правительства. Они переходили в старообрядчество уже под влиянием своей администрации. Уже в самые ранние годы развития горноуральской промышленности старая вера развивается здесь не снизу, как движение низших классов, а сверху, под давлением администрации заводов, и впервые здесь устанавливается принцип «чье предприятие, того и вера», который в значительной степени соответствует западному «*cuius regio, ejus religio*» и который будет и в дальнейшем довольно часто определять характер роста старообрядчества в русских промышленных предприятиях.

Не приходится удивляться тому, что и частные горнопромышленники того времени, и казна так широко открывали двери заводских канцелярий и цехов старообрядцам — специалистам и администраторам. Рост уральских заводов в XVI–XVII вв. был почти непрерывным, и нужда в специалистах в России того времени была не менее велика, чем и в начале XX века. А, судя по сведениям того времени, большинство металлургов-специалистов из Олонца, Великого Устюга, Тулы (на тульских заводах старая вера была сильна и в XIX веке) состояло в старообрядчестве. Всего лишь за десять лет, с 1744 по 1754 г., число «записных» старообрядцев, не считая «незаписных», боявшихся из-за преследований регистрироваться, — а таковых было во много раз больше,

чем записных, — только на Демидовских заводах выросло в полтора раза, с 2732 до 4029 человек. А ведь начиная с 1735 г. и до 1762 г. правительство и церковь не ослабляли своих усилий по искоренению старой веры, миссии для увещевания старообрядцев и попыток возвращения их в государственную церковь посылались на Урал одна за другой. Аресты продолжались. Одним из результатов преследования было еще большее обозление старообрядцев против церкви и правительства.

Положение резко меняется только после 1762 г., когда манифесты Петра III и Екатерины II даровали старообрядцам свободу вероисповедания. Прежде гонимые и принужденные молиться и проповедовать свою веру в строгом секрете, старообрядцы теперь выходят в общественную жизнь, официально организуют свои общины, строят храмы. Начинается новая эпоха жизни уральского старообрядчества, во время которой уже не только заводская администрация, но и городская старообрядческая буржуазия начинают играть видную роль и в развитии края, и в росте старообрядческих общин. Уже до манифестов Петра III и Екатерины в 1760 г. на уральских заводах насчитывалось 5875 зарегистрированных старообрядцев, что составляло около трети всех служащих и рабочих, но *de facto* число их было значительно выше. Теперь же, с получением свободы веры и организации общин, число их резко увеличивается.

Через шестьдесят лет после манифеста Петра III и Екатерины II, С.Д. Нечаев, ревизор императорского правительства, посетивший в 1826 г., то есть в самом начале царствования императора Николая I, уральский край, отмечал, что хозяйственная жизнь Урала и даже управление больших торговых городов этой важной горнопромышленной области находятся почти целиком в руках местных купцов-старообрядцев. За столетие существования горнопромышленного Урала и особенно за годы царствования Екатерины II и Александра I здесь успела создаться богатая, предприимчивая и упорная торгово-промышленная среда, состоявшая главным образом из старообрядцев-поповцев.

Верхушка старообрядческой «аристократии», ведущего слоя уральской буржуазии конца XVIII и начала XIX века, была тесно связана с предприятиями новых магнатов местной промышленности, знаменитого заводчика и купца Саввы Яковлева и его сына Петра, которые в течение последней трети XVIII века играли на Урале ту же роль, которую в первой половине века играли Демидовы. На своих заводах он полагался почти что только на старообрядцев, которые сделали его предприятия опорой старой веры. В 1767-1769 гг. он скупил ряд заводов, которые принадлежали Демидовым. В 1774 г. у него было

уже 5 купленных заводов и 2 построенных им самим, а в 1779 г. в яковлевской промышленной империи было уже 12 заводов, к которым сын Саввы Петр прибавляет еще один, тринадцатый. Центром старообрядчества на яковлевских заводах и основой его распространения по новым, построенным самим Саввой предприятиям стал бывший демидовский Верхнеисетский завод, на котором люди старой веры твердо укрепились еще в 1716 г. Следующим по влиянию был Верхнейвинский завод. Среди яковлевских и позже расторгуевских управляющих заводами были особенно знамениты Китаев, Харитонов и Зотов, которые при Александре I стали руководителями екатеринбургской старообрядческой общины. «Китаев, — писал в своих записках Нечаев, — особенное имеет влияние на людей близ лежащих заводов Яковлева, из кои множество держатся его раскола».

Вслед за Яковлевым, уже в самом конце XVIII века на Урале появляется и один из первых открытых, так сказать, официальных старообрядцев-заводовладельцев. Это был Иван Васильевич Расторгуев, богатейший Вольский купец, Вольский городской голова, зять знаменитого в конце XVIII века богатейшего дельца В.А. Злобина, первого петербургского старообрядца-миллионера, принятого в высшее общество и имевшего влияние даже в верхушках петербургской аристократии. Расторгуев скупил в начале 1800-х Каслинский, Кыштымский и Нязе-Петровский заводы и оттуда систематически распространял свое влияние в среднеуральской промышленной области. Около своих заводов Расторгуев организовал два старообрядческих монастыря: мужской на озере Сунгул и женский на озере Аншаба, которые вместе с другими монастырями, основанными старообрядцами-заводчиками, энергично действовали по распространению старой веры. В свою очередь в конце XVIII и начале XIX века заведующие демидовскими заводами, особенно директор Ревдинского завода Любимов, давали всевозможную поддержку местным старообрядцам и даже притесняли новообрядцев, стараясь добиться их перехода в старую веру.

Поддержка старообрядцев заводской администрацией и непосредственное открытое участие их самих во владении и в управлении заводами не ограничивалось в начале XIX века только демидовскими, яковлевскими и расторгуевскими предприятиями. На заводах так называемой юговской группы, принадлежавших графу И.Г. Чернышеву, на заводах братьев Осокиных — Иргинском, Юговском, Бизярском и Курамшинском, на заводах Солодовниковых, заводах Кнауфа и Губона — Нижне- и Верхнеуфалейских заводах — владельцы ценили и всячески оказывали помощь старообрядцам-технократам, которые стали почти что монополистами металлургической техники на Урале.

Новая эпоха в жизни екатеринбургских старообрядцев начинается тогда, когда во главе их становится Яким Меркурьевич Рязанов, проявивший большие организационные способности. Яким Рязанов был сыном старообрядческого священника Меркурия, тоже бывшего до 1804 г. главой екатеринбургской поповской общины. Яким Меркурьевич оставался в течение четверти столетия во главе екатеринбургских старообрядцев, но даже и уйдя в 1829 г. на покой, он до 1838 г., когда перешел в единоверие, был наиболее авторитетным деятелем старой веры на Урале (он умер в 1849 г.).

Родственные, служебные и деловые связи и вера тесно объединяли главарей екатеринбургской старообрядческой общины, официально легализовавшей свое существование после издания екатерининского закона о религиозной терпимости. Влиятельное положение ее руководителей дало возможность провести эту легализацию, которая и после екатерининского закона была довольно редким явлением, так как власти обычно старообрядцев только терпели, но не давали им возможности оформить существование своих общин. Сам Яким Меркурьевич Рязанов был тоже одним из виднейших купцов Екатеринбурга. Среди его друзей были Китаев и Полузадов, которые долго управляли яковлевскими заводами, а позже стали самостоятельными предпринимателями. Зотов и Харитонов, тоже друзья Рязанова, принадлежавшие к той же группе технократов, были директорами у Расторгуева, а когда Харитонов ушел из расторгуевских заводов, то он очень быстро стал богатейшим человеком Екатеринбурга.

Когда император Александр I посетил Урал, то он навестил и старообрядческие екатеринбургский и главный шарташский храмы, отстоял там литургию, подошел к священнику под благословение и сделал даже значительное пожертвование, что еще подняло престиж уральского центра среди сторонников старой веры. На императора так же, как и на последующих посетителей края, местные старообрядческие святыни производили большое впечатление.

Неудивительно, что, обладая сам недюжинными способностями и имея поддержку со стороны не только своих непосредственных помощников, но и всего такого дисциплинированного и крепкого уральского старообрядчества, Рязанов создал колоссальную организацию, насчитывавшую 150 000 активных и жертвенных членов-мужчин в районах Екатеринбурга, Перми и даже Тобольска, всегда готовых поддержать своего руководителя. К его обществу около 1830 г. принадлежали без малого все заводы края, управляющими которых со всеми своими поселками были старообрядцы. Это были, в частности, Верхнейвинский, Каслинский, Кыштымский, Тагильский, Исетский, Невьянский, Режевский, Нязе-Петровский, Верхне- и Нижнеуфалейские заводы Губина и многие другие

(главным образом к югу от Екатеринбурга). Переход в старую веру был нередко переходом в крепкое, богатое, дружно спаянное общество, дававшее среду, помощь, работу, связи, возможности кредита и отличные способы информации и сообщений. Успех старообрядческой пропаганды стал особенно заметен на Урале в годы правления Рязанова, и в Пермской губернии в 1820-х гг. старообрядческие пропагандисты агитировали целые селения и заставляли опасаться, что новообрядческие церкви совсем запустеют.

Но не только простые рабочие и мужики подчинялись авторитету старообрядческих заводских администраторов и миллионеров. Правительственным агентам на местах и даже губернаторам нередко приходилось считаться с руководителями екатеринбургской общины. Им нередко удавалось проводить на мелкие административные посты своих открытых или скрытых сторонников, и в ряде уральских уездов, например, в Щедринском и Калмышевском, и в городах Перми, Екатеринбурге головы, бургомистры, писари и судейские чиновники были старообрядцы. В самом Екатеринбурге Рязанов, Фома Казанцев и Китаев командовали городом. «Магистрат и даже дума Екатеринбурга были переполнены их единомышленниками», — писал Нечаев, а зять Расторгуева Харитонов, сын директора яковлевских заводов, стал даже городским головой и считался первым человеком всего края по богатству и связям. Правда, сам Харитонов избегал, как в свое время Демидовы и Яковлевы, выступать от имени общины, но тем не менее он открыто держался старой веры, поддерживал своего тестя, а его управляющий Зотов, не стесняясь, действовал от имени староверов.

П.И. Мельников после четверти столетия борьбы и знакомства со старообрядчеством пришел к довольно неожиданному для долголетнего гонителя старой веры мысли: по его мнению, дальнейшее существование и успехи Российского государства целиком зависели от существования и распространения старообрядчества, в котором он видел единственную прочную консервативную силу, способную спасти Россию от внутренних потрясений. К сожалению, император Николай I был не знаком и вряд ли, если бы и был знаком, мог бы согласиться с П.И. Мельниковым.

Наставники беспоповцев и священники попавцев ссылались, общины лишались права легального существования и постепенно ликвидировались. Капиталисты-старообрядцы лишались своих предприятий, если не переходили в единоверие или прямо в господствующую новообрядческую церковь; управляющим, приказчикам-технократам и часто даже просто техникам из старообрядцев приходилось уходить с предприятий, в том числе и с уральских горных и металлургических заводов. К концу царствования, в 1850-х, борьба

была закончена победой над всеми значительными центрами старой веры. Уральская металлургия потеряла бесконечное количество своих технократов и специалистов. Несомненно, этот разгром промышленных кадров сказался и на ведении Крымской войны, к началу которой ликвидация старообрядческих организаций была как раз завершена.

Старая вера была страшно ослаблена, но не искоренена. Старообрядчество, несмотря на тяжелые потери и утраты важнейших позиций, продолжало жить, хотя и не так интенсивно. Свой твердый дух, преданность вере, старым идеям и традициям, непреклонность в отстаивании своих убеждений уральские старообрядцы пронесли через три с половиной века. Многие из них верны своей вере и своим идеалам до сегодняшнего времени.

Современный старообрядческий Интернет-ресурс Южного Урала: <http://www.starover-pomorec.ru>

А. В. ЛУШНИКОВА,
заведующая кафедрой

документоведения и музееведения
Челябинской государственной академии культуры и искусств,
кандидат педагогических наук, доцент.

ОРАНЖЕРЕИ ДВОРЯНСКИХ УСАДЕБ XVIII в.: ДЕМИДОВСКАЯ УСАДЬБА В КЫШТЫМЕ

*Век бы ходил... да сады все садил.
Землю разукрасил бы, как девушку, обнял бы ее,
как невесты свою... сделал бы ее изумрудом дорогим*

А.М. Горький.

Прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такую, какою должна быть она по его понятиям: прекрасен тот предмет, который высказывает в себе жизнь или напоминает нам о жизни... Не нужно подробно говорить и о том, что в растениях нам нравится свежесть цвета и роскошь, богатство форм, обнаруживающих богатую силу, свежую жизнь.

Н.Г. Чернышевский.

Процесс восстановления памятников промышленной, гражданской и церковной архитектуры в городе Кыштыме идет в русле с актуализируемой сегодня проблемой сохранения ценных природных и историко-культурных территориальных комплексов. Сохранение таких территорий становится альтернативой активным урбанизационным преобразованиям окружающей среды, которые далеко не всегда учитывают историко-культурные и экологические приоритеты общества. В настоящее время экология как технология защиты окружающей среды в сферу своих интересов начинает включать и иной аспект. С начала 1990-х годов в мире особое внимание начинает уделяться культурным ландшафтам как особому типу наследия, обеспечивающему взаимодействие, взаимопроникновение и взаимозависимость природных и культурных компонентов наследия. В руководящих документах ЮНЕСКО по применению Конвенции о Всемирном наследии появляется дефиниция «культурный ландшафт» и устанавливается его место в типологическом ряду объектов наследия. Культурный ландшафт понимается как результат совместной работы, совместного творчества человека и природы, произведение человека и природы.

К настоящему времени в российской науке обозначились три основных подхода к определению и пониманию культурного ландшафта, которые условно можно обозначить как классический ландшафтный географический подход, этнолого-географический подход и информационно-аксиологический подход. Различия между ними, на первый взгляд, не особенно велики, но при ближайшем рассмотрении и, что самое главное, при использовании данных подходов в практике сохранения культурных ландшафтов как объектов наследия возможны существенные методологические разночтения в понимании данной проблемы. Первый (географический) позволяет рассматривать культурный ландшафт как частный случай антропогенного ландшафта, т. е. делается акцент на уникальности географических объектов; второй (этнолого-географический) рассматривает культурный ландшафт как сумму взаимодействующих подсистем, а именно природного ландшафта, систем расселения, хозяйства, общества, языка (в особенностях — топонимики), духовной культуры (главным образом фольклора). Третий (информационно-аксиологический) заключается в исследовании культурного ландшафта как совместного произведения человека и природы, представляющего собой сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих высокой степенью экологической, исторической и культурологической информативности. Выбор подхода, который применяется при музеефикации территории, придания статуса культурного ландшафта, зависит от историко-культурных процессов, происшедших на

этой территории. Информационно-аксиологический подход, применяемый в рамках определения культурного ландшафта, способствует развитию культурного туризма.

История Кыштымского горного округа однозначно тяготеет в доминантности информационно-аксиологического. Собственно решение вопроса о сохранении города Кыштыма и истории Кыштымского горного округа должно решаться через выявление, разработку, музеефикацию памятников историко-культурного и природного наследия комплексно. Причем процесс музеефикации с точки зрения современных тенденций должен быть расширен через включение новых факторов, т. н. нематериального наследия.

Международные разработки в области технологии музеефикации мирового наследия озвучиваются как забота о культурном наследии как о сокровище, которое завещали нам предки и которое мы должны передать детям в как можно более полном виде. Это долг, исполнение которого должно стать свидетельством мудрости современных поколений. В аксиологический банк цивилизации сегодня включается и нематериальное наследие. Международная конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия перечисляет основные категории нематериального культурного наследия:

— устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия;

— исполнительские искусства;

— обычаи, обряды, празднества;

— знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной;

— знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами.

Т. е. речь идет о включении в исторические ценности не только традиционной экологической культуры, но и многочисленных проявлений знаний об окружающем нас мире естественной природы. Более того, эта Конвенция прямо нацелена на обеспечение охраны среды бытования нематериального культурного наследия. Современная среда жизни людей также имеет свою историческую составляющую. Она может быть (и зачастую так и происходит) утрачена, но современные технологии и методики музеефикации включают в себя и процессы реконструкции утраченного или на основании данных документально подтвержденных, или с применением метода аналогии — реконструкции по подобию. Применение данного метода требует выявления оснований для использования — т. е. определение максимально возможных точек соприкосновения сравниваемых и копируемых объектов. Достаточно длинная преамбула статьи может быть сформулирована в следующих позициях:

— Продолжающиеся работы по реконструкции уникального объектов исторического и культурного наследия Кыштыма позволяют расширить спектр исследований, которые могут быть использованы при введении в действие центрального объекта Белого дома (господского дома).

— Документальная база исторической реконструкции достаточно часто обращается к выявлению особенностей подлинного образа объекта через сравнение с вариативными объектами демидовского наследия, принадлежащими различным ветвям рода Демидовых как в центральных городах, так и в городах Центральной России, Среднего Урала, Южного Урала.

— К ценностям/традициям, которые надлежит как сохранять, так и реконструировать, при их утрате следует относить не только материальные объекты (архитектурные сооружения, градостроительные нормы и др.), не только устные традиции (фольклор, ремесла, праздники), но и становление образования, начало научных исследований в области изучения природы, истории, технологии, управления.

— Одним из утраченных явлений истории Кыштымского горного округа становится облик усадьбы Белого дома — его реконструкция необходима с учетом восстановления экстерьера и интерьера самого здания, хозяйственных построек, планировки парка, оранжереи с восстановлением видового разнообразия растений и технологии их выращивания и изучения.

В эпиграфе к данной статье была озвучена тематическая направленность вопроса реконструкции Белого дома — сад и оранжерея, упоминание которых встречается в «Дневных записках путешествия Ивана Лепехина... по разным провинциям Российского государства в 1770–1771 г.».

В путешествии по Уралу Лепехин отправился 11 мая 1770 г. Его внимание привлекали многие замечательные природные объекты и среди них — пещеры, в частности, Капова. Посетив ряд рудников восточного склона Урала, описав и нанеся на карту истоки рек Яика, Миасса и Уя, зауральские озера, горные вершины, в том числе «Миасские вершины», из Чебаркульской крепости отряд Лепехина направился на Каслинский и Кыштымский заводы. При описании Кыштымского «железоделаемого» завода акцент был сделан на технических характеристиках: «на нем 1 доменная с 2 домнами; три молотовыя фабрики дляковки железа с 12 молотами, из которых 9 почитается действительных и 3 запасных. Тут же пристроено 18 горнов, особливая каменная кузница с 8 горнами, в которой ходит вододействуемый молот для делания стали с принадлежащими к нему двумя горнами... Как на верхнем, так и на нижнем Кыштымских заводах мастеровых и рабочих людей считается 748 душ, из ко-

торых 701 душа собственных и 47 отданных от ревизии в заводскую работу, из числа непомявших родства и незаконнорожденных... Чугуна выплавляется до 190000 пудов». В «Дневных записках» И.И. Лепехин лишь упоминает Кыштымскую усадьбу с двухэтажным господским домом, обращенным лицом к пруду с оранжереей и садом.

Это вполне соответствует записи в ведомостях Кыштымского завода за 4 ноября 1762 г.: «Дом господский о двух апартаментах складен собственными ж господина Демидова крестьянами из камня и кирпича, в коем 18 покоев. Около того дому двор, вокруг обнесен каменною стеною. В стенах онго два погреба с выходом. Амбар, сделанный над оными погребями. Сарай для содержания рогатого скота каменный. Сарай, в коем будут ставится коляски, сани и прочее, каменный... Вокруг дома разбит сад, в котором посажены все растущие на Урале деревья и кустарники, в том числе и плодовые: черемуха, рябина, вишня, калина, смородина, боярышник, а также малина. Возвышавшийся среди сада белоснежный господский дом с ровными рядами темно-зеленых елей по сторонам».

Эту информацию, на наш взгляд, следует разделить на несколько аспектов:

- Реконструкция сада/парка (планировка, подбор растений).
- Реконструкция оранжереи (помещение, видовое разнообразие).

— Реконструкция научных исследований в области биологии (научная систематизация Линнея, ботанические исследования в России в сер. XVIII в., происхождение растений, культивируемых в уральских оранжереях).

Садово-парковое искусство — искусство создания садов, парков и других озеленяемых территорий, включающее планировку и разбивку садов и парков, подбор растений для различных климатов и почв, размещение и группировка растений в сочетании с архитектурными объектами, дорогами, водоемами. Как правило, европейская история предлагает два принципа планировки — регулярный (геометрический) и пейзажный (имитация естественного ландшафта). Регулярные парки создавались в XVIII в. во всех странах Европы. Но появляются тенденции приближения к естественной природе (естественный пейзаж): поляны и лужайки свободных очертаний, водоемы в извилистых берегах, криволинейные дорожки в сочетании с павильонами, беседками, фонтанами. В России сады по европейским образцам появились в Петербурге в петровское время, хотя первые сведения о русских садах относятся к XII веку. Вначале они располагались лишь при княжеских усадьбах, но со временем в монастырях, вокруг храмов, в богатых усадьбах. Для русских садов всегда было

характерно сочетание декоративных садов с утилитарным назначением. В садах устраивались рыбные пруды, для посадок выбирались плодовые деревья (яблони, груши, вишни). Реконструкция сада Кыштымской усадьбы вполне вписывается в традиции садово-парковой культуры России: пруд, плодовый сад, подъездная аллея.

Оранжерея — само слово (от фр.- апельсин) подсказывает о помещении для выращивания теплолюбивых растений. Появляются они в XVI в. во Франции, но распространение получают именно в XVIII в., когда активно ведется научное изучение растительного мира и построение первой систематики растений К. Линнея. В России первые «оранжерейные палаты» были построены в конце XVII в. в садах Кремля, в Архангельском для заморских растений (персика, олеандра, лавра и др.). В начале XVIII века Петр I заложил оранжереи в Летнем саду и Аптекарском огороде в Петербурге. Позже оранжереи становятся не-пременным элементом усадеб и дворцовых ансамблей. Не был исключением и род Демидовых. Они создавали не просто собрание растительности, но и уникальные ботанические сады. Причем сами занимались этим делом, участвуя даже некоторым образом в исследовательских работах в области ботаники, естествознания. Но когда речь идет о ботанических пристрастиях Демидовых, как правило, речь идет и потомках Акинфия. Но документы Кыштымского завода свидетельствуют, что и в этом вопросе Демидовы Южного Урала не уступали более удачливым и известным родственникам. Несмотря на то, что состав оранжереи документально не подтвержден, общие тенденции развития научных исследований России позволяют предполагать, что предложенный И.И. Лепехиным перечень растений Соликамской оранжереи в большей степени повторялся и в Кыштымской оранжереи. По описанию И.И. Лепехина в Соликамской оранжереи насчитывалось 422 вида. Среди них много южных оранжерейных — пассифлора, кофе, агава, кактусы и прочих, которые «не только служили великолепием, но и доказывает особливую их к тому склонность и охоту к разведению».

Научные исследования — Россия была включена в нарастающий интерес к изучению природы уже в XVIII в. Известнейшие исследователи не только собирали материал в рамках научных экспедиций по Российской империи, проводили опытно-экспериментальные исследования, но и были включены в теоретические споры и построения, связанные с именем К. Линнея. Список русских исследователей напрямую связан с историей Урала — это И.И. Лепехин, И. Гмелин, С.П. Крашенинников, П.С. Паллас, И. Рычков, собственно и представители рода Демидовых. Сохранились свидетельства о собирании гербариев,

проведении опытных исследований, составлении каталогов растений по схеме Линнея. П.С. Паллас описал способ проращивания семян Демидовым: «раскладывает каждого растения семена в глиняные блюдечки, прилагая к каждому свой номер и полагая их под мох или подкладывая холстинку под оный и намочив их раставливает в Оранжеере к солнцу обращённой, которую в холодное время и топят. Приставленные к сему садовники каждый день смотрят блюдечки и семена, кои пустили росточки, с великой осторожностью вынимают и сажают в горшки мелко просеянную землю наполненные; сим средством мало семян теряются, растения кои с трудом достать можно, легко из семян вырастают».

Технологические вопросы работы с ботаническими коллекциями описаны в мемуарах, переписке и вполне доступны для реконструкции. Причем не в традиционной музейной экспозиции, а через «мемориальность» растительного разнообразия. Названия родов растений имеют очень разное происхождение — это и заимствования из классической латыни, и латинизированные слова из других языков (чаще всего — из древнегреческого). Нередко названием рода является слово, образованное от фамилии, имени или отчества. В Международном кодексе ботанической номенклатуры действует положение, что таксоны растений могут быть названы в честь лиц, не имеющих прямого отношения к ботанике, но до конца XIX века встречались примеры наименований в честь именитых исторических лиц (*Napoleonaea* — род африканских растений).

С точки зрения истории Урала могут быть использованы дополнения к «историческому описанию» оранжереи и «мемориальные» виды. П.С. Паллас в честь Демидова описал один из родов *Demidowia tetragonoide* (демидовия тетрагония). Ботаник Гофман назвал в честь Демидова еще один вид — Демидовия многолистная. В честь Лепехина был назван род растений Лепехиния (*Lepéchinia Willd*) семейства Яснотковые (*Lamiaceae*). Название дано К.Л. Вильденовом, впервые опубликовано в 1806 году. В ноябре 1953 г. М.Г. Попов еще раз использовал имя Лепехина, назвав род растений семейства Бурачниковые (*Boraginaceae*) Лепехиниелла (*Lepéchinella Popov*). Интересна с точки зрения ботаники была бы и презентация известных сегодня комнатных и оранжерейных растений.

Можно предложить для «живой экспозиции» мемориальный ряд растений, который как связан с историей изучения Урала, так и с общеисторическими вопросами:

1. В честь Аристотеля (греч. Αριστοτέλης, 384 до н. э. — 322 до н. э.), один из величайших ученых и философов Древней Греции, основоположник фор-

мальной логики, автор нескольких биологических трактатов *Aristotelia*. (1784). Аристотелия (невысокие кустарники с красными ягодами (у некоторых видов в форме сердечка) из Новой Зеландии, Австралии, Чили и Аргентины).

2. В честь Авиценны (Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина, перс. 980–1037), персидский философ и врач.

Avicennia L. (1753) Авиценния — небольшие деревья с морских побережий Южного полушария.

3. В честь Камела Георга Йосефа (нем. Georg Joseph Kamel, лат. Georgius Iosephus Camellus, 1661–1706), иезуит-миссионер, ботаник чешского (немецкого) происхождения; исследователь флоры Филиппин.

Camellia (1753) — Камелия, Азиатские по происхождению деревья и кустарники, многие с очень декоративными цветками; к этому роду принадлежит чай (*Camellia sinensis*).

4. В честь *Franklinia* Бенджамина Франклина (англ. Benjamin Franklin, 1706–1790), американский ученый и политический деятель, один из отцов-основателей США.

(1785). *Franklinia alatamaha* — Франклиния — не крупное дерево, обитавшее в штате Джорджия.

5. В честь Гербера Трауготта (нем. Traugott Gerber, 1710–1743), немецкий врач и ботаник, директор Аптекарского огорода (ботанического сада) в Москве в 1735–1742 г. — *Gerbera* L. (1758) — Гербера — Многолетние травы из Африки и Азии. Цветки достигают 30 см в диаметре, многообразной окраски; похожи на цветки нивяника (*Leucanthemum*), остеоспермума (*Osteospermum*) и других «ромашек».

6. В честь Линнея, Карл (швед. Carl von Linné, 1707–1778), шведский врач и натуралист, заложивший основы научной классификации живых организмов — Линнея. Стелющиеся вечнозеленые кустарнички, очень широко распространенные в северном полушарии, с парными розоватыми колокольчатыми цветками на тонких цветоносах. Линнея была одним из любимейших растений К. Линнея.

7. В честь Маньола Пьера (фр. Pierre Magnol, 1638–1715), французский долинеевский ботаник, ввел в употребление категорию семейства, одним из первых пытался разработать естественную классификацию растений. — *Magnolia* L. (1753) — Магнолия. Деревья (иногда высотой до 30 м) и кустарники из Америки и Восточной Азии с красивыми крупными ароматными цветками.

8. В честь Паллас, Петер Симон (нем. Peter Simon Pallas, 1741–1811), немецкий и российский ученый-энциклопедист, натуралист, путешественник; внес

большой вклад в мировую и российскую науку — биологию, геологию, филологию и этнографию — Neorallasia — Неопалласия. Травы, растущие в Сибири и Восточной Азии, на Тибете; род, близкий к роду Полынь (*Artemisia*).

9. В честь Палласа Петера Симона — *Petrosimonia*- Петросимония. Однолетние низкорослые травы из Юго-Восточной Европы и Средней Азии.

10. В честь Мусина-Пушкина Аполлоса Аполлосовича (1760–1805), русский химик и минералог, вице-председатель горной коллегии, член Лондонского королевского общества. — *Puschkinia* — Пушкиния. Луковичные растения, похожие на маленький гиацинт (*Hyacinthus*). Растут на Кавказе, в Иране, на Ближнем Востоке.

11. В честь Традесканта Джона старшего (англ. John Tradescant the elder, ок. 1570–1638) — английский натуралист, садовод, ботаник и путешественник; первый ученый, исследовавший флору России. — *Tradescantia* L.(1753) — Традесканция. Вечнозеленые травы из Южной и Северной Америки; многие виды — популярные комнатные растения.

12.. В честь Цинна Иоганна Готтфрида (1727–1759), немецкий ботаник и фармаколог, директор ботанического сада в Гёттингене — *Zinnia* (1759) — Цинния. Однолетние или многолетние травы (реже полукустарники) из Мексики; некоторые виды — популярные садовые растения.

О.Ю. АФАНАСЬЕВА,
доктор педагогических наук,
зав. кафедрой английской филологии ЧГПУ.

ПРЕЗИДЕНТ ГЕРБЕРТ К. ГУВЕР НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

31-й президент США Герберт Кларк Гувер родился в 1874 году в семье квакеров в городке Вест Бранч в штате Айова. Он воспитывался в крайне религиозной, аскетичной атмосфере, где царили бедность, строжайшая экономия вплоть до недоедания, активное неприятие земных удовольствий. В девять лет Гувер остался сиротой и переехал жить в семью своего дяди на западное побережье США, в штат Орегон. В 1881 году Гувер стал первокурсником Стэндфордского университета в Калифорнии, выбрав своей специальностью геологию.

Вскоре после окончания университета началась головокружительная профессиональная карьера Гувера. Он получил предложение от британской фирмы Бьюик, Моринг и К., которая направляла его на службу в разные уголки мира. Так, в Австралии он очень быстро стал управляющим фантастически прибыльного золотодобывающего предприятия, в Китае (кстати, во время знаменитого боксерского восстания) — главным инженером крупной горнодобывающей компании. Добиваясь высоких производственных и финансовых результатов работы этих предприятий, Гувер и сам участвовал в их акционировании и создавал свой собственный капитал. К 1907 году он стал одним из самых высокооплачиваемых в мире специалистов в горнодобывающей области. Позже в Лондоне он организовал собственную компанию, имевшую представительства в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Петербурге и Париже. Своих специалистов он называл командой горных докторов, которые путем реорганизации и технического перевооружения превращали убыточные предприятия в процветающие компании, при этом гонораром им служили проценты от полученной прибыли. Самому Гуверу пришлось поработать во многих странах: Австралии, Канаде, Корее, Мексике, России, Перу, Бирме.

В 1919 году президент Вудро Вильсон назначил Гувера генеральным директором Американской администрации помощи (АРА), и в дальнейшем тот проводил операции по снабжению продовольствием населения ряда европейских стран, в том числе и Советской России.

Гувер уже имел огромный авторитет в мире, когда началась его государственная карьера и он стал чиновником высокого ранга — министром торговли. Осенью 1928 года он был избран 31-м президентом США, в марте 1929 года состоялась его инаугурация, и по иронии судьбы в том же году начался глубочайший в современной истории финансовый и экономический кризис — Великая депрессия. Но выводил Америку из депрессии уже другой президент — Франклин Делано Рузвельт. Управленческий талант Гувера, его финансовый гений, фантастическая работоспособность и трудолюбие не спасли США от экономического краха. В истории он остался как президент-неудачник, однако в последние десятилетия американские историки все более склонны к переоценке деятельности Гувера и его исторической реабилитации, чему посвящены многочисленные исследования.

Вот этот человек волею судьбы оказался связанным с историей промышленного развития Южного Урала.

В первое десятилетие XX века Гувер и его коллега и единомышленник американский горнопромышленник Альфред Честер Битти участвовали в

организации ряда акционерных обществ в России — Сибатской, Орской и Англо-Сибирской компаний. Деятельность в них Гувера представляла собой чисто финансовые операции, он практически не был вовлечен в управление ими, и они не представляли для него особого интереса с точки зрения долгосрочного инвестирования.

В конце 1908 года была создана еще одна британская компания — «Общество Кыштымских заводов», которая должна была приобрести основной акционерный капитал кыштымских горных заводов, представлявших собой на тот момент убыточные российские предприятия. Предложение, полученное от уральских промышленников, было очень неординарным. Земельные площади, на которых находились горнодобывающие предприятия, составляли половину площади штата Коннектикут, здесь проживало 75 тыс. человек, здесь находились месторождения меди, золота, железа, здесь уже в течение 150 лет производилась специфическая промышленная продукция. В 1900 году Кыштымский горный округ был акционирован, семья баронов Меллер-Закомельских стала владельцем 50% акций «Акционерного общества Кыштымских горных заводов». С 1904 года оно испытывало тяжелый финансовый кризис: горно-металлургическая промышленность региона остро нуждалась в развитии и модернизации, для чего был необходим капитал. После безуспешных обращений за государственными субсидиями барону Владимиру Меллер-Закомельскому удалось найти иностранного инвестора — возглавляемую Джоном Лесли Урквартом британскую Англо-Сибирскую компанию. Предварительно американский инженер Кнокс провел анализ ситуации на месте и предложил свою программу развития. В 1907 году контроль над заводами перешел к Урквату. Передача бизнеса была произведена в дружественном режиме — Меллер-Закомельский остался председателем правления заводов и постепенно превратился в ближайшего соратника Уркварта в России, занимая различные посты в правлениях создаваемых Урквартом металлургических предприятий.

Планы новой компании были амбициозными, и в конце 1909 года ранее отсталое и вялотекущее кыштымское производство подверглось радикальной перестройке. Однако, несмотря на имевшиеся первоначальные финансовые ресурсы, к концу 1909 года «Общество Кыштымских заводов» столкнулось с нехваткой капитала. Именно в этот момент на сцену выходит Герберт Гувер. В течение осени он занимался проблемой финансирования предприятия, и в начале 1910 года компания выпустила дополнительно шесть процентов акций на сумму 50 тыс. фунтов стерлингов. Гувер и Битти, по сути дела, предоставили

кыштымским заводам ссуду на 50 тысяч фунтов, а взамен получили право на покупку 150 тысяч акций.

Гувер и Битти не купали все эти акции лично: часть их Гувер разместил среди субподписчиков, часть продал на фондовом рынке. Они внесли только 6 тыс. фунтов собственных денег и сохранили право купить 79 100 акций. Таким образом, на этом этапе интерес Гувера к кыштымским заводам имел чисто финансовую природу.

Осенью 1909 года коллега и друг Гувера Р. Гилман Браун инспектировал ответственность компании, и вполне возможно, что расходы по его командировке оплачивали сами Гувер и Битти. Возвратившись домой в декабре, Браун был полон энтузиазма. Он докладывал, что корпорация в состоянии выплачивать дивиденды в размере, по крайней мере, от 20 до 25 процентов годовых. Однако он добавлял, что бизнес будет успешным только в случае эффективного управления производством. Таким образом, встал вопрос о непосредственном участии Гувера в делах компании. Однако он предпочитал роль искусного кукловода, работающего за сценой. Он писал: «...эта роль имеет преимущество, когда ты работаешь на рынке... если бы я был директором или инженером-консультантом, я бы чувствовал ответственность перед общественностью и старался не допустить роста цен на акции выше известного предела».

Осенью и зимой 1909 года Гувер демонстрирует большой интерес к рыночным операциям с кыштымскими акциями. В январе 1910 года он информирует Битти о полученном им предложении, в соответствии с которым 300 тыс. кыштымских акций планировалось собрать в пул, которым должна была управлять лондонская финансовая фирма «Л. Хирш энд Компани». Компаньоны Гувер и Битти создают финансовую компанию под названием «Межконтинентальный трест», в котором имеют солидный пакет акций. Трест приобрел все активы пула Хирша (300 тысяч кыштымских акций), но этого Гуверу было мало. Он приступает к созданию нового расширенного пула, который бы контролировал не только вышеуказанное количество акций, но и значительно большее. В итоге к концу ноября 1910 года был создан Кыштымский пул, который объединил 826 тысяч из 1 миллиона выпущенных кыштымских акций.

Операция с кыштымскими акциями была весьма тяжелым и изнурительным для Гувера предприятием. Создавая этот пул, он был вынужден провести консультации с 60 различными сторонами, интересы которых далеко не всегда совпадали. Для процветания кыштымского пула, а значит, и для собственной финансовой выгоды, Гуверу было необходимо поднять цену на акции. Это означало проведение широкой рекламной кампании, а в этом Гувер был

большим специалистом. В результате рынок кыштымских акций развивался параллельно с развитием самого предприятия. В этом большая заслуга Гувера, который в конечном итоге обеспечил приток капитала в «Общество Кыштымских заводов» в объеме 100 тыс. фунтов стерлингов.

До коренной реорганизации производства, имевшей место в конце 1910 года, Гувер проявлял мало интереса к чисто техническим аспектам кыштымского предприятия; не являлся он и членом совета директоров. Однако невозможно было иметь солидную долю в акционерном капитале и оставаться индифферентным к вопросам управления и производства, а поэтому Гувер постепенно расширяет зону своего влияния.

Инженером-консультантом на заводах Кыштыма Гувер хотел видеть Р. Гилмана Брауна, и в 1910 году тот стал членом совета директоров. По возвращении из России в ноябре 1910 года Браун направил Битти отчет, в котором критиковал фирму Knox&Allen, оказывавшую консультационную поддержку производству. От ее услуг было решено отказаться, и Браун сам стал инженером-консультантом. Металлургом-консультантом стал американец Уолтер Перкинс, который ранее был направлен в Кыштым для строительства медеплавильного завода и которому Гувер бесконечно доверял. Теперь, более чем когда-либо, Гувер мог знать, что действительно происходит на кыштымских заводах, и через Гилмора Брауна влиять на политику предприятия.

В конце 1911 года Гувер и Битти предприняли поездку в Кыштым. Это было не первое путешествие Гувера в Россию: в 1909 году он проехал ее по железной дороге во время поездки в Корею и обратно. Визит в Кыштым был кратким: уехав из Лондона 6 сентября, 25-го они уже возвратились назад. Масштабы увиденного за две недели приятно удивили партнеров. В результате технического перевооружения полуфеодалская российская глубинка превращалась в один из самых современных медедобывающих комплексов в мире.

Однако Гувер видел и другую сторону российской жизни: однажды на железнодорожной станции он заметил цепь заключенных, отправляемых в Сибирь, после чего ему по ночам некоторое время снились страшные сны. Как он писал в одном из своих писем, ему показалось, что «когда-нибудь эта страна взлетит на воздух».

В январе 1912 года Гувер наконец стал одним из директоров «Общества Кыштымских заводов». Через месяц был ликвидирован кыштымский пул как выполнивший свою задачу. Послуживший его основой Межконтинентальный

трест доказал свою состоятельность и эффективность: после его ликвидации Гувер и Битти каждый получили приблизительно по 100 тыс. долларов наличными. Гувер был даже рад покончить с этим беспокойным предприятием, поскольку именно на его плечах лежало основное бремя по управлению пулом. Непрерывающаяся торговля акциями, бесконечные многоходовые переговоры с членами пула, имевшими зачастую прямо противоположные интересы, утомили даже такого деятельного человека, как Гувер.

К середине 1914 года созданные Лесли Урквартом в России акционерные компании, включая «Общество Кыштымских заводов», составляли горнодобывающую империю огромного масштаба. Гувер не был катализатором процесса создания этих предприятий. Доминантной фигурой являлся Уркварт: без его инициативы, оптимизма, финансовых связей в Петербурге невозможно было бы построить такую империю. Вместе с тем, без успешных эмиссий кыштымских акций в 1909–1911 годах, что является безусловной заслугой Гувера, молодая компания не могла бы существовать. Хотя собственный финансовый вклад Гувера в это дело отнюдь не был велик, его способность аккумулировать капитал других людей была чрезвычайно полезной. Его престиж горного инженера, управленца и предпринимателя мирового уровня, несомненно, помогал ему открывать чужие кошельки.

Впоследствии Гувер был склонен позиционировать себя как неангажированного инженера, промышленного «доктора», который давал технические советы нуждающимся в них компаниям. Но в России, в частности в Кыштыме, его роль была куда сложнее. Он стал здесь «финансовым» доктором, а также активным торговцем на рынке ценных бумаг. Со временем Гувер начал проявлять интерес к техническим аспектам деятельности предприятий, входящих в империю Уркварта. Есть основания считать, что в 1913 году, во время своего второго приезда на Урал, он стремился оказать влияние на техническую программу развития кыштымских заводов. Трудно сказать, в какой мере Гувер действительно участвовал в разработке конкретных технических решений, но один факт говорит за себя: подавляющее число ведущих инженеров, металлургов и технических консультантов на российских предприятиях Уркварта были американцами. Именно через них Гувер и осуществлял свое влияние даже на те горнодобывающие предприятия, где он ни разу не был. Можно только предположить, как развивались бы события и личная заинтересованность Гувера в российском бизнесе. Но близился 1914 год, когда началась первая мировая война, нарушившая всю систему хозяйственно-экономических и финансовых связей.

Л.П. СТЕПАНОВА,
методист музея истории
Южно-Уральской железной дороги, г. Челябинск.

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ,
ДЕЙСТВОВАВШИЕ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛА В НАЧАЛЕ
20-Х ГОДОВ XX ВЕКА
(на примере Американской администрации помощи;
некоторые выдержки из писем Уильяма Келли,
сотрудника АРА)**

В нынешнем году отмечается 205 лет со дня установления дипломатических отношений между Россией и США: 2012 — 205 — 1807 год; через 2 года в Санкт-Петербурге возникнет институт инженеров путей сообщения, крупнейшее на тот момент учебное заведение. Минует три десятка лет, и лучшие из российских инженеров поедут в Северо-Американские штаты (как их тогда именовали) перенимать опыт по части железнодорожного строительства. За американский образец будет принята и ширина железнодорожной колеи, и некоторые здания (вокзалы и депо на нынешней Октябрьской магистрали). К настоящему моменту такой вокзал сохранился лишь в Бологом.

Уйдет в прошлое век XIX, в нашей стране сменится общественный строй, и уже американцы окажутся в России с целями благотворительными ввиду постигшего нашу страну бедствия — голода. Основной его причиной была не засуха и не заговор «мировой буржуазии», о которых поначалу писала наша печать, а национализация хлебной торговли. Да и в самом деле, в 1917– 1919 на Урале и в Сибири еще полные закрома и идет сбор хлеба для Петрограда и Москвы комсомольцами Кыштыма, как явствует из газеты «Уральский рабочий» от 12.09.1919: «Кыштымским коммунистическим союзом молодежи еще до объявления недели сбора хлеба для Питера и Москвы по собственной инициативе был устроен такой сбор. На первый раз собрано уже около вагона разных продуктов. Сбор еще не закончен. Предполагается его продолжить в окрестных селах». Тремя неделями ранее газета «Правда» сообщает об отправке продовольственного поезда из Челябинска в Москву: «20 августа из Челябинска отправлен в Москву продовольственный поезд в

составе 21 вагона пшеницы, 4 вагонов кофе, 2 вагонов риса, 2 вагонов кеты и 1 вагона икры». Год 1921 — продовольственная катастрофа, которую по началу пытались скрыть.

Лишь вмешательство немногочисленной, тогда еще существовавшей либеральной оппозиции в лице Е.Д. Кусковой (1869–1958) ее супруга, которые начали бить во все колокола и обратились к М. Горькому, а тот к Ф. Нансену, позволило изменить начинавшийся продовольственный коллапс.

Представители мировой общественности обратились к Герберту Гуверу (1874–1964), бывшему в те годы министром торговли США (1921–1928), — не следует путать его с Джоном Гувером, руководителем ФБР.

Так же откликнулись другие благотворительные организации — квакеры, младохристиане, МОПР, пришла помощь с КВЖД, помогли частные лица.

Но целенаправленную поддержку по борьбе с голодом оказали именно Соединенные Штаты в лице организации АРА (Американская администрация помощи), а также международный Красный Крест.

АРА собрала 60 млн долларов, только в Челябинском уезде кормила почти 20 тысяч жителей.

А из кого состояла эта организация? Сотрудников набирали из молодых людей, которые имели за плечами несколько лет военной службы. Один из участников миссии, Уильям Келли, был журналистом, закончил престижнейший Гарвард, думается, был знаком с произведениями столпов российской словесности, и вот он едет на родину Толстого и Чехова помогать людям в постигшем их колоссальном несчастье (далее страницы переписки Келли с приятелем, которая впоследствии оказалась в архиве института Гувера США — перевод Хмелевской Ю.Ю.).

8 декабря 1921

Сегодня мой второй день в Риге. Завтра я отбываю в Москву в сопровождении Бергфельда. ...мы, двое невинных молодых людей, едем товарным поездом, в теплушке, наскоро приспособленной для нас Красным Крестом. Мы будем сопровождать этот поезд, а в частности — полвагона сывороток, вакцин и т.д. Это маленькое приятное путешествие займет шесть дней.

Вечер субботы, 17 декабря 1921

Одна через неделю заточения в этой теплушке, проводя бесконечные часы в ожидании и все еще не достигнув Москвы, я просто не могу больше терпеть.

<...>

Поезд выехал на главный путь около полудня и встал. Я вышел за водой, а потом за топливом. Последнее для нас имеет просто жизненную важность. Наша печка пожирает огромное количество дров, и если не подбросить в огонь топлива, то в течение 15 минут температура будет около нуля, и тогда медицинские сыворотки стоимостью в несколько тысяч долларов станут негодными, а двое молодых американцев примерзнут на месте.

Нам приходится добывать дрова каждый день тем или иным способом, причем мы никогда не повторяемся. Сегодня мы просто украли их после наступления сумерек, вчера я обменял две банки говяжьей тушенки на несколько грузовиков. Дрова — это наша величайшая проблема, и после того как нам удастся достать дров и воды, только и остается уповать на милость паровоза.

Долгие остановки означают нежелательных визитеров. Единственный человек, кого мы пустили внутрь, был большевик на границе. В 2 часа ночи я услышал, как он бежит туда-сюда по крыше нашего вагона — возможно, он проверял, горячий ли дымоход.

Мы по очереди должны все время следить за огнем в печке, поскольку есть риск, что пламя погаснет, печка перевернется или искра попадет на постель. Еще одна наша серьезная проблема — это дым. Прошлой ночью клубы валили из трубы внутрь вагона, и казалось, что нам придется или замерзнуть, распахнув дверь, или задохнуться при закрытом выходе. В результате Бергфельд сегодня страдает от воспаления глаз, мне же повезло больше.

Когда я смотрю на эти ящики с лекарствами и думаю о тысячах жизней, которые они спасут, и страданиях, которые они облегчат, то это слегка взбадривает меня, и все кажется не так уж плохо.

21 декабря 1921

Мы прибыли вчера, а уже завтра я отправляюсь в Уфу, чтобы кормить детей на рубеже Сибири.

Последний раз я писал тебе воскресным вечером. После этого мы простояли еще весь понедельник, нуждаясь в дровах. Наш груз с лекарствами спасла только удача, послав нам заблудшего русского. Он немножко говорил по-немецки, и мы подкупили его, попросив найти дров. Во вторник утром мы съели наши последние запасы, а три часа спустя поезд медленно въехал в Москву ...

Пятница, перед Рождеством (23 декабря 1921)

Я все еще в Москве. На станции была ужасная неразбериха, и в конце концов

я отстал от поезда, а два моих дорожных сундука отправились в путь без меня.

По пути в Самару, 26 декабря 1921

<...>

До Самары я еду вместе с врачом и дантистом, которые занимают соседнее купе, я же делю свое с бородатым русским, который представился натуралистом.

Прошлой ночью я не отважился снять ничего из верхней одежды. Растянувшись на фланелевой подкладке шинели, я прикрылся самой шинелью сверху. Постельные принадлежности этого купейного вагона ограничены подозрительно выглядящими матрасом и подушкой. У меня в купе ручная кладь, вещмешок с продуктами, полный хлеба, мяса и воды, маленький дорожный набор и большой тюк с пятью одеялами. Если надо, я могу взвалить все это на спину. Добавь к этому теплую шинель, зимние боты и меховую шапку, и перед тобой предстанет незнакомое, но, как я полагаю, небезынтересное зрелище для любого американца-южанина...

Ты и представить не можешь, насколько я грязен или чувствую себя таковым. Я ничего не стирал с того самого дня, как выехал из Лондона. Мои чемоданы следуют отдельно от меня с четверга. Мне нужны стрижка и шампунь. И все же по сравнению с моими соседями-русскими я выгляжу как «красавчик Бруммель» (законодатель мод).

Наверно, ты знаешь, что тиф передается не иначе как через укусы платяных вшей. В вагоне есть уборная, но она настолько грязна, что я боюсь даже прикасаться к чему-либо, кроме воды.

Вторник, утро, 27 декабря 1921

После ночной гонки мы подъезжаем к Самаре. Я должен сообщить о рекорде — прошлой ночью я проспал 13 часов, не разбирая своих одеял и пижам, позволив, таким образом, всем ползающим тварям попытаться счастья. Нынче утром в вагоне нет ни капли воды для умывания, и мы ждем Самары как спасения...

Самара, 27 декабря 1921

Поезд прибыл в Самару около полудня. Мы с трудом пробрались через станцию, при одном запахе человека чувствительного затошнило бы минут через десять. Первой новостью при встрече было сообщение о

том, что мой багаж был объявлен в розыск и задержан. Никто не знает, где он, наверно, где-нибудь между Москвой и Волгой. Сегодня на станции были два американца, которые в прошлый четверг уехали из Москвы — они потеряли не только весь свой багаж, но и ручную кладь. Теперь у них нет вообще ничего, а когда мы прибыли, они ожидали отправки в Оренбург.

Самара, 30 декабря 1921

Все еще в Самаре, ем, сплю и болтаюсь без дела. Вчера утром, около 4 часов, ко мне ворвался мой агент, чтобы объявить о поезде в Уфу. Я поспешил на станцию. После долгих переговоров мне показали мое «купе» — голую скамейку в темном переполненном вагоне, набитом мужчинами и женщинами, лежащими на верхних полках. До войны, должно быть, это был вагон четвертого класса. Поехал ли я? Забрав мои пожитки, к шести часам я вернулся обратно в постель.

Уфа, 2 января 1922

Проводник был достаточно любезен, чтобы предупредить меня о прибытии в Уфу. Я выгрузился и, не увидев вокруг ничего, что выглядело бы американским, отдал себя в руки извозчика, который проявил признаки знания того, где находится «Американская миссия».

<...>

7 января 1922

<...> Вчера мы проговорили с Беллом о делах АРА до полуночи. Мы чрезвычайно воодушевлены задачей распределения 20 млн бушелей хлеба, переданных русскому народу Конгрессом. На программу детского питания уходит всего 2 вагона продовольствия в день, в то время как 350 тонн в день значит 20 вагонов, то есть проблема налицо. Зная состояние российских железных дорог, просто непостижимо, как эти дороги смогут справиться с таким огромным объемом перевозок... Даже если эти поезда каким-нибудь образом будут приходить каждый день, сможем ли мы довести этот хлеб в отдаленные деревни на санях, ведь почти все лошади сейчас полумертвы или пали.

8 января 1922

Вчера было русское Рождество. Мы поехали на станцию сами.

Прибыл мой багаж. Он пришел в сохранности после 15 дней пути. В этом городе на санях ездят не только люди, но и все остальное перевозится по улицам на чем-то вроде волокуш. Повозок в Уфе нет. Я слышал, что правительство

располагает одним или двумя грузовиками. Полная загадка, как они ездят по этим улицам на смеси алкоголя вместо бензина.

19 января 1922

Мы погрузились в вагоны в понедельник поздно ночью, а во вторник, некоторое время спустя после наступления светлого времени суток, прибыли в Златоуст — 350 верст к востоку от Уфы ... <...>

Челябинск, 21 января 1922 <...>

В четверг утром мы проснулись в Челябинске, уже за границей Европы. Холод? Боже упаси меня жить когда-либо в таком климате! У русских собственная система измерения температуры, называемая «Реомюр». Ноль — это температура замерзания, 80 градусов — точка кипения. Здесь, в Челябинске, было от 30 до 50 ниже нуля. Если бы я высунул нос, то он замерз бы в 60 секунд, руки бы отвалились сразу после снятия перчаток, и даже бровями двигать больно на открытом воздухе.

В отношении того, что АРА может сделать для Челябинска, еще нет окончательного решения. Мы можем присоединить его [к нашему округу] в Уфе. А я забираю с собой наши прежние два вагона для поездки в башкирский кантон, название которого я не могу пока даже правильно выговорить...

24 января 1922

<...> В субботу мы потеряли целый день, ожидая паровоза на запасных путях. Белл, Роллинз и Борис уехали в Троицк. Чурнишев, Тосман, переводчик, маленький Алекс и я остались в тех двух вагонах, в которых мы приехали из Уфы. Буквально накануне отъезда, в одном из них сгорел бойлер, приведя в негодность всю систему отопления, и в три часа ночи, во время технической остановки, мы были вынуждены перенести все наши пожитки и грузы в один вагон, в то время как другой был заморожен на неопределенное время...

26 января 1922

<...> С наступлением темноты мы вернулись в наш вагон и порадовали местного инспектора АРА и начальника станции какао и водкой — той, что нам подарили местные власти в Челябинске. Благодаря этому замечательному напитку на следующий день нас быстро прицепили к скорому поезду...

<...>

Услышав гудок товарного поезда, который раздался около 6 вечера, мы

прицепились к нему и в спешке уехали. В Челябинск мы прибыли в понедельник поздно вечером, а Белл — во вторник утром.

Уфа, 27 января 1922

Жестокий, жестокий мир! Весь вчерашний день мы тряслись в поезде, довольствуясь хлебом и какао, и все ради того, чтобы ночью прибыть в Уфу слишком поздно, чтобы выгрузиться. Наш проводник покинул вагон, оставив печку на ее собственное усмотрение, и мы чуть не замерзли.

Уфа, 8 февраля 1922

<...> По телеграфу сообщают, что мне предстоит небольшое дельце в виде 12 тыс. тонн кукурузы, которая идет к нам из черноморского порта [в насыпных вагонах]. Они настаивают на немедленном возвращении тары. Все отлично, за исключением того, что никто не сообщил мне, что я должен сделать с этой кукурузой.

15 февраля 1922

Полковник Белл и Хофстра оба за пределами округа, я два дня исполняю обязанности действующего супервайзера Уфимского дистрикта.

Во время обеда мне позвонил Блэнди со станции, где он, как я думаю, снимал фотографии. Там он увидел шестерых детей, которых вот-вот должны были отправить в четырехдневное путешествие в эвакуацию. Проверив имеющееся у них продовольствие и почти в истерике уверяя меня, что они умрут, не доехав до пункта назначения, он хотел отдать им все, что было у нас на квартире из готового питания. Несмотря на убежденность в тщетности случайной помощи, я согласился, и Блэнди задержал поезд, пока я не послал туда три буханки хлеба и подаренное нам печенье — это было практически все, что у нас было в доме. Может, это облегчит их участь — он сказал, что некоторые из этих детей были уже полумертвы...

Уфа. 3 марта 1922

Пришлось выпустить приказ, наполовину урезающий ежедневные пайки для 136 тыс. детей. Балтийские порты забиты ледяными заторами, а железная дорога в Москву заблокирована пробкой из вагонов с грузами АРА. Из тех грузов, которые уже в пути, я должен подготовить резерв для тех столовых, до которых невозможно будет добраться, когда начнет таять снег и наступит распутица.

10 марта 1922

<...> Я тону в поездах с кукурузой. За эти дни в округ прибыло 113 вагонов. Самара нас об их прибытии вовремя не предупреждает.

Уфа 11 марта 1922

Почти весь день я провел за пределами кабинета, в посещениях складов и совещаниях с железнодорожным чиновником. Этот джентльмен просто в истерике, потому что его начальник пригрозил расстрелять его, если наши вагоны с кукурузой будут стоять на главных путях. В настоящий момент их в Уфе стоит 44 — можешь представить, что здесь за атмосфера.

16 марта 1922

За это время в дистрикт прибыло 167 вагонов кукурузы. В результате вся наша организация оказалась почти на грани коллапса <...>

Условия здесь таковы, что недавно мне пришлось дать два миллиона советскому конвою, который сопровождал первый кукурузный состав, пришедший с Черного моря. Командир расчета сказал, они три дня ехали без хлеба, потому что в день отправки у местных властей не оказалось продовольствия, а им надо тут же возвращаться обратно в Новороссийск. Я дал им сумму, достаточную для покупки пуда (36 английских фунтов) ржаной муки. Южно-русские конвои напоминают итальянцев, и мне понравились их драматические рассказы о поездке.

23 марта 1922

Вся моя жизнь — это один кукурузный состав за другим. Трудность состоит в том, что из-за дефицита складов я не могу распределить ее по округу равномерно. Понятно, что из-за этого «кукурузного трафика» я посылаю по 40 телеграмм на русском языке в день.

<...>

Воскресенье, 20 мая 1922

Завтра нам предстоят печальные хлопоты по доставке останков бедного Блэнди на станцию, откуда они будут перевезены в Москву. В теплушке, где повезут гроб, выставят караул из красноармейцев, а сопровождать тело будет Бэйрд.

<...>

Я был в Челябинске в январе, когда мы проводили там «разведку» — теперь мы кормим в этой губернии 60 тыс. детей.

Вагон № 212 настолько шикарен, что это путешествие выглядит как отпуск.

<...> поездка в 212-м с кладовкой, набитой американскими деликатесами, по Уральскому РЕГИОНУ ДА ЕЩЕ в красивейшее время года — это достойное завершение моей карьеры в этом дистрикте!

22 мая 1922

Проведя большую часть дня на похоронах, я оставляю за собой право сделать что-нибудь более веселое, прежде чем отойти ко сну.

Мы довезли Блэнди до станции без неприятных происшествий. В автомобильном эскорте, сопровождавшем грузовик с гробом на грязный вокзал, были только американские сотрудники. Во время поездки я заметил толпу детей, бегущих за грузовиком. Сначала я подумал, что это была обычная банда уличных мальчишек, но потом выяснилось, что они из школы, в которой Блэнди несколько раз бывал и показывал детям фокусы. Станция являла собой горестное зрелище. Прямо у входа лежали два трупа — матери и младенца. Беженцы сидели по всей привокзальной площади, обирая вшей друг у друга. Один патриархального вида джентльмен, совершенно голый, на виду у всех мылся с помощью своей жены, которая поливала его из чайной кружки. С покрытым [американским] флагом гробом мы поспешили пробраться через всю эту суету, перенесли его через несколько путей и поместили в теплушку. На станции была большая группа наших русских служащих, которые стояли и глазели, как мы надрываясь грузили гроб в вагон, в котором Блэнди предстоит совершить свой последний долгий путь.

26 мая 1922,

На борту 212-го

Лучшего вагона нет во всей России. Он катит по Транссибирской магистрали с мягкостью, которой позавидовал бы сам мистер Пульман...

Утром переехали через Уральские горы, весьма незначительные, чтобы иметь такую географическую славу. Теперь едем по равнине, очень зеленой, но это цвет травы, а не ростков зерновых. На всем этом неизмеримом пространстве я не заметил ни одной пасущейся коровы или лошади. А вообще пейзаж для глаз очень приятный, наверно потому, что нет людей, чтобы его испортить.

4-10 дня

Прибыли в Челябинск. Перрон станции забит беженцами. Прошло почти четыре месяца с тех пор, как я был в Челябинске в первый раз. Ясно, что прибывающие поезда с продовольствием не успевают за голодом — людей здесь больше, чем в прошлом январе.

Екатеринбург, воскресенье 28 мая 1922

... Поскольку этой ночью по расписанию не было ни одного пассажирского поезда, мы прицепились к товарняку и проснулись уже в Кыштыме, центре добычи платины и бывшем месте работы Гувера. Там мы провели весь день, инспектируя вновь открытые столовые и беседуя [с сотрудниками и местным населением]...

Стоит уточнить, что Кыштымский округ управлялся англо-американским акционерным обществом, в который входили Л. Уркарт, Д. Морган и Г. Гувер.

Новые хозяева в течение 1908–1912 г.г. провели значительные преобразования на территории округа, сделав ставку на развитие медной промышленности.

Для обслуживания предприятий Кыштымского округа была осуществлена постройка узкоколейной железной дороги, соединившей Карабашский завод со станцией Кыштым (на линии Екатеринбург — Челябинск).

То обстоятельство, что дорога строилась под руководством англичан, сказалось на ширине колеи (узкоколейная) и на составе локомотивного парка (8 паровозов производства фирмы Hunslet Engeni Company, имелось также 162 товарных и 3 пассажирских вагона). Пропускная способность — 8 пар поездов в сутки.

В декабре 1917 по декрету СНК все предприятия округа были национализированы одними из первых не только на Урале, но и в целом по стране.

В середине 70-х годов уникальная узкая колея между Кыштымом и Карабашем продолжала существовать параллельно с широкой. Час неминуемой развязки произошел в 1976, когда узкоколейка была полностью закрыта, пути разобраны, а последние узкоколейные паровозы в 1977 году разделаны в лом. Частично сохранились здания бывших узкоколейных депо в Кыштыме и Карабаше.

Вернемся к нашим путешественникам.

Екатеринбург, воскресенье 28 мая 1922

Ночью наш вагон был подобран проходящим пассажирским поездом, и этим

утром мы въехали в Екатеринбург, или Киттсбург, как мы предпочитаем его называть...

Этот город явно превосходит любой другой город в нашем дистрикте своим современным видом и качеством зданий. Могу поверить, что в погожий день кто-то бы даже назвал его красивым. Мы затеяли поездку по главным улицам, но повернули с полдороги, когда опять пошел холодный дождь.

<...>

Троицк. Россия, 13 июня 1922

Один из дней, когда весь свет не мил. Мы застряли на целый день на запасных путях в ожидании какого-то комиссара, который должен отдать распоряжение об отправке поезда. Большую половину дня шел дождь, и на улице слишком грязно для прогулки. Кроме того, моя челюсть опять раздулась. Я в плохом настроении...

К твоему сведению, Кустанай это определено Азия. Челябинск и Троицк находятся к востоку от Урала, но из-за пересмотра границ возникла некая путаница, но Кустанай указан на всех картах как город в Азии, а местное население добавило нам уверенности, что они азиаты.

Мы как будто побывали в отправной точке и я знал, что через несколько тысяч миль к югу от Кустаная была Индия, а к юго-востоку — Китай...

К нам будет относиться только Кустанайская губерния. В нее входят шесть или семь уездов. Мы готовы открыть наши столовые вдоль железной дороги в радиусе сотни миль...

По пути в Москву, 26 июня 1922

Я еду в том самом вагоне, который я выпросил в прошлом месяце в Екатеринбурге. Возможно, в Самаре к нам подсядет леди-квaker или кто-нибудь еще. Говорят, они носят брюки, и то, как Белл это описывал, вызывает мое живейшее любопытство...

Американский персонал загрузился в два «доджа», а русские клерки и машинистки на прощание махали мне из окон. На станции мой вагон был прицеплен в центре поезда, багаж сложили в салоне. Начальник станции мистер Иванов, который обязан мне несколькими продуктовыми пайками в прошлом, лично присутствовал на перроне, чтобы ускорить формальности и попрощаться...

По пути в Москву, 27 июня 1922

Мы только что переехали через Волгу.

Наша пицца просто абсурдна — мелко нарезанная солонина, хлопья, хлеб, абрикосовый джем и кофе. Теперь я способен съесть и переварить все.

6 июля 1922

Осложнения, отсрочки и разочарования! На рижском направлении произошла авария, и в понедельник поезд из Москвы отменили. Не было его и во вторник, и в среду. Сегодня, кажется, должен быть точно.

Зато, в конце концов, я хоть не праздновал 4 июля в поезде (день рождения У. Келли). Совсем наоборот. Все американцы отправились на старомодный пикник в очень красивое место недалеко от Москвы. Чтобы сделать прогулку более естественной, пригласили много русских девушек, владеющих английским языком.

Еще до конца игры в бейсбол мне пришлось вернуться в город, чтобы успеть к 7.00 на поезд, но поезда не оказалось.

Рига, 8 июля 1922

Прочь из России! Неинтересное, неудобное, не впечатляющее путешествие. В Ригу я прибываю этим утром, а вечером — отчаливаю в Лондон. Ужасно грязный, неприлично выглядящий и т. д., но все же я еду!

Пару лет назад состоялся визит американцев в Челябинск. Они сняли про АРА фильм, где фигурирует среди прочего Челябинский переселенчатый пункт, ведь именно туда прибывали из Екатеринбурга через Кыштым составы с кукурузой и перегружались в складские помещения и пакгаузы на отдельной железнодорожной ветке, идущей от основного железнодорожного вокзала (ветка демонтирована в 70-е годы XX в.).

В.И. ЮРИН,
Археолог, спелеолог, спелестолог,
действительный член Русского географического общества,
член Союза краеведов России, г. Челябинск.

ПЕРВЫЙ ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС КЫШТЫМСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА

После получения зимой 2010 года от энциклопедиста Дувакина А.С. информации о существовании небольшого грота (назван геокэшкерами грот Дружбы) в долине реки Кыштым автором 19 мая 2011 года была организована разведывательная экспедиция в составе 4-х человек. В ходе обследования береговых скальных обнажений реки удалось обнаружить, описать, замерить и сфотографировать 3 новых, нигде не учтенных пещеры (табл.). Оказалось, что все три пещеры расположены рядом и представляют собой пещерную группу, которая была определена как пещерный комплекс, названный членами экспедиции Слюдорудниковский. Грот Дружбы, который периодически посещается геокэшкерами, оказался не гротом, а пещерой, которой сначала члены экспедиции дали рабочее название — пещера Дружбы, а затем окончательно назвали — пещера Кыштымская в связи с тем, что находится она в Кыштымском городском округе на берегу реки Кыштым. За входным гротом пещеры оставили название — грот Дружбы. Во входном гроте есть возможность укрыться от непогоды небольшой группе людей и даже развести костер. На другие две пещеры в настоящее время мало кто обращал внимание в связи с их малыми размерами и погребенными ходами.

Комплекс находится в 9,5 км юго-западнее западной окраины г. Кыштыма, в 0,4 км восточнее поселка Слюдорудник (по которому получил название), в 0,8 км выше по течению реки от автомобильной дороги г. Кыштым — пос. Слюдорудник. Расположен на левом берегу р. Кыштым, прямо напротив поселка Слюдорудник, на участке, где река максимально приближена к береговым скалам.

Входит в Вишневогорско-Ильменогорский спелеологический район Сысертско-Ильменогорской спелеологической области Восточно-Уральской спелеологической провинции.

Все пещеры комплекса расположены вдоль реки на высоте от уреза воды 7,3–17 м, в подножье берегового скального обнажения протяженностью более 100 м, высотой 15–16 м и занимают участок скалы протяженностью 82 м.

На сегодняшний день на территории пещерного комплекса выявлено 3 подземных полости — все пещеры: первая пещера имеет погребенный (нора) на 50 процентов ход-продолжение; вторая, самая протяженная, имеет 2 входа и 3 световых окна; третья пещера — сквозная, погребена на 60 — 80 процентов и имеет 3 входа (табл.).

Все пещеры комплекса псевдокарстовые, гравитационно-тектонического происхождения, небольшие по протяженности и относятся к пещерам малых форм и размеров, площадь которых составляет от 8,5 до 40 м², высота ходов — от 0,2 до 2,7 м (табл.). Вмещающей породой являются кварц-хлоритовые и кварц-серицитовые сланцы (определение Тараниной Т.И.).

Всем пещерам комплекса под руководством автора даны названия (табл.).

Параметры пещер Слюдорудниковского ПК

Таблица

№ п/п	Название полости	Высота над рекой (м)	Удаление от реки (м)	Длина полости (м)	Экспозиция входов	Ширина входа (м)	Высота входа / амплитуда (м)	Рыхлые отложения (м)	Обнаруженные материалы	Примечание
1.	Пещера Слюдорудниковская Лисья (Слюдорудниковская-1)	9,4	36	9,2	Юг	5	2,7-1,8	до 1	Палеозоология, археозоология, следа от входного грота имеется ход-нора (листья)	Провели расчистку 2-х ходов, шурф глубиной до 0,6 м
2.	Пещера Кыштымская (Дружбы)	7,3	45	35	Юг Зап.-ЮЗ	3,95 1,0	2,7/6 0,4	до 0,5	Имеет 2 входа в нижней части и 3 световых окна в верхней части	Пройдена впервые на всю длину
3.	Пещера Кыштымская Нора (Слюдорудниковская-2)	17	47	7,6	Зап. Юго-зап.	0,75 2,7/ 0,95	0,4 1,1/ 0,4	до 0,5	Палеозоология обнаружена на поверхности и при расчистке входа №2	Сквозная, 3 входа (из них 1 погребен на 100%)

На территории Челябинской области пещера Кыштымская сразу стала самой протяженной полостью, где вмещающей породой является кварц-хлоритовые и кварц-серицитовые сланцы.

В ходе проведения комплексных первичных исследований в двух пещерах комплекса (табл.) прямо на поверхности и в верхнем слое (0-10 см) были обнаружены отдельные целые и фрагментированные кости разных видов животных, свидетельствующие об использовании этих пещер разными млекопитающими: лисицами, волками, мелкими грызунами и др. Только в одной пещере Слюдорудниковской Лисьей в ходе исследований и расчистки ходов пещеры (прямо и налево) обнаружены археозоологические материалы (рубленая кость лошади, древесные угольки в большом количестве и прямо на поверхности — современное битое стекло. Во входном гроте пещеры Кыштымской зафиксированы остатки свежего костровища. Данный факт свидетельствует о современном использовании 2-х пещер комплекса в наши дни, а возможно, и ранее — в прошедшем тысячелетии. Понятно, что данные пещеры являются временным убежищем для рыбаков, охотников и туристов последнего столетия.

Пещерный комплекс Слюдорудниковский как интересный природный объект, редкий на данной территории, в 2012 году включен автором в экскурсионный маршрут «По подземельям Слюдорудника».

Планируется продолжить в 2012 году исследования пещерного комплекса и подготовку (расчистка и обустройство) отдельных пещер для качественного проведения экскурсий.

В.И. ЮРИН,

**археолог, спелеолог, спелестолог,
действительный член Русского географического общества,
член Союза краеведов России, г. Челябинск.**

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В ПЕЩЕРЕ СУГОМАКСКОЙ

Пещера Сугомакская, которую я посетил в 1968 году в составе родного класса (руководитель — учитель географии Мельникова Г.П.) — это первая пещера в моей жизни. Она произвела на меня огромное впечатление как объект

неведомых тайн и чудес. В дальнейшем я посетил ее через 30 лет в конце 90-х гг. XX века. Когда материалы о пещере были опубликованы в энциклопедии «Челябинская область», я сразу обратил внимание на нестыковки данных статьи с реальным состоянием пещеры.

Исследовательские работы в пещере были организованы и проведены СТКНКЭ¹ Южно-Уральского центра комплексного изучения пещер «Следопыт» под руководством автора в 2010 году в самое удобное для проведения научных исследований время года — конец марта, когда в пещере во входном гроте Светлый и в ходах справа от него отсутствует (еще не появились) наледь, мелкие ручьи и грязь, а в 3-м гроте (Озёрный) — минимальный уровень воды в подземном озере. В исследовательской работе принял участие спелеолог Булатов А.Б. (г. Челябинск).

В ходе проведения исследований были осмотрены все гроты, проходимые и непроходимые ходы пещеры, а также проведены их замеры. Общая длина пещеры составила 227 м и превысила замеры предшественников практически в 2 раза (было 123 м). Были пройдены (некоторые частично) и зафиксированы 20 ходов, которых нет в энциклопедии на плане и в описании пещеры. Амплитуда пещеры составила 18 м. Была замерена глубина подземного водоема, которая составила 2,3 м, а с учетом падения уровня зимой 2010 года — 4,3 м и протяженность (пройденная) озерной расщелины — 27 м. Видно, что расщелина, заполненная водой, имеет продолжение. Возможно проникновение далее, но в специальном костюме.

В течение всей зимы, в связи с выходом из внутренней части пещеры тепло воздуха, на потолке (северная часть, самая верхняя) 1-го входного грота и первой половины хода-галереи, соединяющем 1-й грот со 2-м (Старообрядцев), образуется толстым слоем (до 10 см) снежная изморозь.

В конце февраля — начале марта (наблюдения 2009–2011 гг.) в ходу-галерее, соединяющем 1-й грот со 2-м, на потолке и стенах начинается образование десятков различных форм и размеров ледяных (прозрачных и молочных) сталактитов, гребешков и драпировок, а на полу и выступах северо-западной стены — сталагмитов разных форм и диаметра, высотой до 10–40 см. На юго-восточной стене галереи также происходит образование сплошного слоя снежных кристаллов (изморозь) разных форм и размеров, вплоть до нескольких сантиметров. В конце марта — первой половине апреля (наблюдения 2009–2011 гг.) в первый входной грот ручьем заходит вода и на полу входного грота и первой половины хода-галереи образуется наледь (временный ледник мощностью 15 — 30 см), сохраняющийся до конца июня — начала июля. Ледник

данной пещеры, возможно, использовался людьми в разные исторические эпохи для хранения скоропортящихся продуктов. Подобные временные ледники ежегодно появляются и исчезают в десятках пещер области.

Внутри пещеры во 2-м и 3-м гротах зафиксированы 2–3 особи рукокрылых.

В системе ходов, расположенных справа от 1-го входного грота, впервые были обнаружены и собраны отдельные целые и фрагментированные кости разных животных (лисица, заяц, птицы, мелкие грызуны), говорящие о том, что в данных ходах последние десятилетия и столетия располагались логова лисиц. Дальнейшие исследования (шурфовка) в данных ходах дадут материалы о жизни хищников (лисиц, волков, бурых медведей и других видов млекопитающих) последних разных тысячелетий.

Предполагается, что во втором гроте проживали или укрывались люди в разные исторические эпохи, вплоть до XVIII — XIX вв., и что на горизонтальном участке этого грота в ходе раскопок возможно обнаружение артефактов, подтверждающих это.

В расщелине подземного озера (в 3-м гроте) обнаружены и зафиксированы вертикально стоящие (закрепленные) бревна с плоскими концами сверху, на которых, видимо, располагалось сооружение (возможно, помост). Видимо, подобный объект (остатки существуют до сих пор) был зафиксирован ранее в пещере Большой Жемеряк (Увельский район) в молитвенном гроте. Цель сооружения помоста над частью подземного водоема пока не ясна. Расщелина подземного водоема замусорена древесными остатками (палки, ветки, жерди, щепы). Несмотря на это, вода в водоеме прозрачная.

Выводы:

1. Пещера Сугомакская является самой посещаемой (домашней) пещерой Челябинской области.

2. По мнению автора, пещера имеет:

— второй, ныне погребенный, вход, расположенный с ю-ю-з стороны от основного входа, в подножье скального обнажения;

— полностью погребенный ход (проходим после расчистки), соединяющий 1-й грот с 3-м, минуя 2-й.

3. Отдельные материалы статьи о пещере Сугомакской устарели на 25 — 30 лет.

В пещере и рядом с ней необходимо провести следующие работы:

1. Очистить от бытового мусора (особенно от битого стекла) все гроты и ходы пещеры.

2. Произвести расчистку отдельных ходов, в т. ч. погребенных, пещеры от каменных завалов и земляных пробок.

3. Очистить подземный водоем пещеры от мусора и древесины.

4. После расчистки всех ходов от каменных завалов выполнить новую точную топосъемку пещеры.

5. Провести научные исследования методом шурфовки в системе узких ходов (справа от входного грота) и во 2-м гроте Старообрядцев.

6. Очистить стены пещеры и скальные обнажения перед входом в пещеру от современных надписей вандалов.

7. Очистить скалу с барельефом В.И. Ленина от современных надписей вандалов.

8. Произвести масштабную разведку в окрестности пещеры Сугомакская с целью выявления новых неизвестных никому пещер и других карстовых объектов.

9. Обследовать все мраморные карьеры и выработки в окрестности пещеры Сугомакская на предмет обнаружения жилищных впадин от бывших землянок рабочих, целых и фрагментированных орудий, приспособлений и других предметов труда и быта (посуда) рабочих XVIII–XIX вв.

В.И. ЮРИН,
археолог, спелеолог, спелестолог,
действительный член Русского географического общества,
член Союза краеведов России, г. Челябинск.

ПЕЩЕРНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ОБЪЕКТЫ КЫШТЫМСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА

Жителям округа повезло не только потому, что их край богат полезными ископаемыми, наличием старых заводов, большим количеством памятников исторической архитектуры, но и потому, что на их территории имеется значительное количество редких как природных, так и природно-исторических и исторических целых комплексов, разных памятников и объектов.

Это и Кыштымская озерная система — десятки озер, соединенных протоками и каналами царского времени.

Это и уникальный Сугомакский природный комплекс:

— гора Сугомак, на склонах которой реликтовая лиственничная роща;

— пещера Сугомакская — одна из самых больших пещер в мраморах на Урале;

— озеро Сугомак с голой сопкой и стоянкой эпохи энеолита;

— родник и ручей Марьины слезы;

— отдельные скальные обнажения, в т. ч. с барельефом В.И. Ленина;

— старый карьер по добыче мрамора.

Это и музей-усадьба «Белый дом» — единственный памятник подобного рода в области, состоящий из десятка редких даже для Урала памятников и объектов исторической архитектуры. Впервые на территории Челябинской области на чердаке северной сторожевой башни в 2003 году обнаружено клеймо рода Демидовых (новый вид).

Это и целая группа храмов старого Кыштыма, один из которых (Сошествия Святого духа на апостолов) является одним из старейших храмов области (1765 года постройки).

Это и объекты индустриального наследия:

— Кыштымский машиностроительный завод — в ближайшем будущем завод-музей: плотина, водяной ларь (такой сохранности — единственный на Урале), водонапорная башня, здания цехов, каменная контора, подземные ходы (скрытого сообщения и производственные коммуникации);

— руины динамитного завода;

— остатки печей по обжигу известняка.

Но, оказывается, ценность территории округа не ограничивается перечисленным богатством памятников и объектов природы и истории.

Последние годы исследований на территории округа принесли ряд новых неизвестных ранее и/или необследованных и неиспользуемых в экскурсионных целях объектов природы и истории. Это подземные, пещерные объекты. Оказывается, на территории округа имеются все виды подземных объектов: спелеологические (естественного происхождения) и спелестологические (искусственного происхождения).

Оказывается, что в округе имеются естественные объекты как карстового, так и псевдокарстового происхождения:

— известная на весь Урал и Россию Сугомакская карстовая мраморная пещера, являющаяся одной из самых протяженных пещер в мраморах на Урале и самой посещаемой пещерой области;

— пещерный комплекс Слюдорудниковский (все пещеры псевдокарстовые), обнаруженный в мае 2011 года отрядом СТКНКЭ и содержащий в своем составе самую длинную в области пещеру в кварц-хлоритовых сланцах, названную пещерой Кыштымская (Дружбы). Это пока единственный пещерный комплекс в округе.

Спелестологические (искусственные) подземные объекты (полости):

1. Подземные горные выработки (рудники и шахты):

— Слюдяногорское месторождение мусковита — самая длинная в области (более 4 км) и сильно разветвленная двухэтажная система ходов, являющаяся самым крупным в области убежищем рукокрылых;

— вентиляционные штольни на Кыштымском месторождении гранулированного кварца.

2. Подземные архитектурные сооружения:

2.1. Гидротехнические сооружения Верхне-Кыштымского доменного и молотового завода 2-й пол. XVIII века:

— подземный рабочий (водоотводной) канал с механическим затвором;

— подземные каналы, подводящие воду к старым, не существующим цехам.

2.2. Пеницитарные сооружения — легендарная подземная тюрьма XVIII века, в своем роде единственная на Урале.

2.3. Конструкционные полости:

— ходы скрытого сообщения между сторожевыми башнями историко-архитектурного комплекса «Белый дом» и на территории нынешнего машиностроительного завода (бывший Верхне-Кыштымский доменный и молотовый завод);

— технологические и производственные подземные коммуникации — ходы под кабель, трубопровод.

Выводы автора:

— в ходе продолжения разведочных работ в округе еще можно обнаружить новые естественные и искусственные подземные полости;

— большинство подземных объектов округа, после соответствующей подготовки, можно использовать в туристско-экскурсионных целях;

— контроль за проведением туристическими фирмами Урала групповых и семейных экскурсий на природных и природно-исторических комплексах, памятниках и объектах округа со стороны администрации округа отсутствует, что приводит к нецивилизованному их использованию;

— необходимо провести первоочередные мероприятия на экскурсионно-туристических объектах округа.

Работы, которые необходимо провести на объектах природы и истории Кыштымского городского округа:

Изготовление и расстановку аншлагов и указателей на всех природных и исторических объектах.

Топосъемку всех пещер Слюдорудниковского пещерного комплекса, новую топосъемку пещеры Сугомакской.

Проведение научных (палеонтологических и археологических) исследований в пещере Сугомакской и Слюдорудниковском пещерном комплексе.

Проведение научных исследований в храме Сошествия Святого духа на апостолов на предмет поиска подземных объектов.

Расчистку ходов пещеры Сугомакской от каменных завалов и мусора, а также обустройство ее с целью цивилизованного использования в экскурсионной работе.

Обустройство отдельных участков комплекса штолен.

Реставрацию обеих сторожевых башен, каменной конторы, тюрьмы, подземного хода скрытого сообщения, флигеля и создание на их площадях музейных экспозиций XVIII — 1-й половины XIX веков, говорящих о жесточайшей эксплуатации рабочих на заводах Урала.

К.А. ШИШОВ,
доцент, кандидат технических наук,
писатель-краевед, председатель Челябинского
областного общественного фонда культуры,
заслуженный работник культуры РФ.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ УРАЛА И ЕГО СОХРАНЕНИЕ

Значение индустриального наследия Урала трудно переоценить. В середине 90-х годов XX века на Урале и в Подмосковье состоялись международные конференции по «индустриальной археологии» (так называется эта отрасль культурного наследия в терминологии ЮНЕСКО), где была дана высочайшая оценка ценности всех артефактов этого уникального технофонда.

Подчеркивался не только вклад уральской металлургии и зодчества в мировую сокровищницу цивилизации, но и непрерывность эволюции развития наследия в энергетической сфере — от водяных двигателей до атомных реакторов, от производства холодного оружия до создания ракет космического назначения.

В свое время (60 — 90 годы XX) автор этих строк инициировал Всесоюзный автопробег «Каменный пояс», где попытался дать гуманистико-историческую оценку этого наследия, способствовал сохранению и мемориализации целого ряда памятных зон на Урале (музей Хохловка в Пермском крае, музей архитектуры в пос. Нижне-Синячиха в Свердловской области, металлургический комплекс в Н. Тагиле — старый Демидовский завод, комплекс древней металлургии Аркаим в Челябинской области, первая высокогорная электростанция и цех электролиза в пос. Пороги под Саткой).

Были выявлены и другие уникальные объекты, вошедшие в мемориальные музеи (на Южно-Уральской железной дороге в Челябинске, в городе Полевском на трубопрокатном заводе, в г. Златоусте на бывшей оружейной фабрике). Часть объектов, вошедших в каталог 70-х годов, практически исчезла безвозвратно (листопрокатно-ковочный цех в Верхнем Уфалее и Тирляне в Башкирии), другая, сохраняясь в эксплуатации, до сих пор недооценена и не поставлена на учет, как требует методика ЮНЕСКО (паровой стан начала XX века на Магнитогорском металлургическом комбинате, плавильная печь медного колчедана на Нижне-Кыштымском медном комбинате и др.).

Однако уже накоплен опыт коммерческого и туристического использования памятников, Демидовский, Дягилевский и другие фонды издают регулярные сборники об историческом наследии уральской индустрии. Ряд рецептов прошлого, будучи сохранен, дает громадный экономико-социальный эффект в условиях нарастающего эколого-экономического кризиса XXI века (использование паровозов в размораживании жилых зданий, подземных коммуникаций при критических ситуациях в Сибири и на Урале, например).

Нет сомнения, что во всех отраслях будущей энергетики, как возобновляемой и экологически чистой, возврат к опыту уральской индустрии неизбежен (малая энергетика плотин, ветроэнергетика, конструкции «теплых» домов, антисейсмических опорных фундаментов в условиях вечной мерзлоты и т. д. и т. п.).

Однако этот путь возможен только в системном ключе изучения технаследия, и только нарастание лавины катастроф может пробудить (или не пробудить, в силу агонизирования) власти обратиться к опыту прошлого как к спасению в условиях тупика (пример — отказ от атома в Японии и Германии)

или социального взрыва, черты которого ясно ощутимы.

Кыштым, описанный автором в монографии «Ясное зрелище уральских заводов» (Кам. пояс. Члб.), дает четкое понимание эволюции взглядов крупнейших лидеров индустрии (Де Генин, Менделеев, Грум-Гржимайло, Бардин и др.). Было бы неплохо создать в нем нечто подобное комплексам Пермского края и Свердловской области.

Однако скороспелость и отсутствие зрелой власти, непросвещенность и явное преобладание коммерческих интересов не дают пока надежды на комплексную реализацию того уникального потенциала технического наследия, которым обладает этот замечательный город.

На Белом доме, сам ход реставрации которого демонстрирует сущность подхода власти к возрождению, давно висит доска в память о посещении города великим Д.И. Менделеевым — теоретиком индустрии и ее свершений в XIX — начале XX века.

Сделать все возможное и невозможное, чтобы дать Кыштыму «вторую жизнь» — это и мое страстное желание. Поэтому хотелось бы вовлечь в это движение молодых энтузиастов, которых — увы — так мало в наше время.

Но они — несомненно — есть...

«Лишь тот достоин счастья и свободы,

Кто каждый день идет за это в бой».

Гёте, «Фауст», ч. 2.

И.А. НОВИКОВ,
доцент кафедры отечественной истории и
методики преподавания истории ЧГПУ

КЫШТЫМСКИЙ ГОРНЫЙ ОКРУГ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.

9 января 2012 г. Президент РФ подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года российской истории». 2012 год — юбилейный: 1150-летия официального создания российской государственности (при всей спорности и дискуссионности призыва варягов на Русь и воцарения Рюрика в Великом Новгороде), 400-летие изгнания интервентов из Москвы и 200-летие

Отечественной войны 1812 года. Известный советский историк Н.А. Троицкий назвал 1812 год — великим годом России . 1812 год — год рождения самосознания россиян, поднявшего дубину народной войны против захватчиков. 1812 год — предшественник восстания декабристов 1825 г., именно благодаря Отечественной войне и последовавшим заграничным походам русской армии произошло рождение самосознания дворянства, который положил начало освободительному движению в Российской империи, завершившемуся созданием в 1906 г., Государственной думы, установлению думской монархии и в конечном итоге Февральской революцией и свержением монархии.

В Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии большую роль сыграл наш южноуральский край: боевые подвиги на полях сражений оренбургских казаков и башкирских «амуров», рекрут в Уфимском и Екатеринбургском пехотном и драгунском полках, снабжение армии пушками и ядрами, денежная помощь участникам войны и пострадавшим от ее губерниям. Не только под Бородино, Тарутино и Малоярославцем решалась судьба России, но и в тылу, в том числе и на южноуральских металлургических заводах, ковавших высококачественный металл и отливавших различную военную продукцию. От качественного и бесперебойного снабжения армии зависел успех сражений. Южноуральцы своим отношением к военным событиям подтверждали отечественный характер войны 1812 года. Тем более что в начале XIX века Урал занимал лидирующие позиции по выплавке металла не только в Российской империи, но в мире, и брендом уральской металлургии являлся демидовский соболь.

Однако вклад металлургической промышленности Южного Урала в разгром армии Наполеона, в т. ч. и заводов Кыштымского горного округа, практически не нашел отражения в современной литературе по истории нашего края. Небольшая информация приведена в учебном пособии «Историческое краеведение» и в монографии О.В. Линник «История уральской промышленности: Кыштымский горный округ (1745 — 1900 гг.)», правда, без упоминания Кыштымского завода и со ссылкой на работу В.В. Данилевского 1945 г. Статья в областной энциклопедии посвящена вкладу металлургических заводов всего Урала, а не только Южного, что, по нашему мнению, не дает возможности представить цельной картины, да и вычленив информацию довольно сложно.

Материалы о вкладе Кыштымских заводов в победу над Наполеоном можно найти не только в материалах архивов Челябинска и Екатеринбурга, но и в сборниках опубликованных документов под редакцией В.В. Данилевского и В.Е. Четина.

Петровская модернизация коренным образом изменила положение России и вывела ее в число мировых держав, одним из составляющих стало создание крупной горнозаводской (металлургической) промышленности на Урале. Промышленный вектор, затронувший сначала территорию Среднего Урала, в середине 40-х гг. XVIII века перекинулся и на Южный Урал. Всего к концу XVIII века на Южном Урале (в пределах современной Челябинской области) действовало 16 заводов, которые выпускали высокосортный металл, что делало возможным удовлетворение не только своих внутренних потребностей, но и его отправку на европейский рынок.

Вступая в XIX век, Россия занимала ведущее место в мире по выпуску металлургической продукции. Однако переход Англии на использование минерального сырья привел к снижению себестоимости и к возможности производства чугуна и железа в большом количестве, что заметно снизило спрос на русский металл. Чтобы не попасть в число банкротов, южноуральские заводчики вынуждены были пойти на сокращение выпуска продукции или его переориентации на военные нужды.

Кроме того, в начале XIX века, после утверждения Александром I проекта Горного положения 1806 года, произошло окончательное оформление особой формы организации производства и управления горнозаводской промышленностью Урала, получившей название окружной. Металлургические заводы выпускали самую разнообразную «железную» продукцию. Выплавлялась 1/5 часть общероссийского объема чугуна. Производилось полосовое, «осьмигранное», «четверогранное», широкополосное, «плющильное», листовое, круглое и сортовое железо, которое отправлялось на оружейные и литейные заводы в Тулу, Казань, Сестрорецк, Луганск.

В преддверии ожидавшейся войны постановлением Государственного совета, утвержденным Александром I 3 октября 1810 г., было решено определить отливку артиллерийских снарядов на частных заводах. В 1811 г. заводы получили заказы военного и морского министерств на выпуск орудий и снарядов. Заводы производили все виды снарядов, применявшиеся русской артиллерией: бомбы 5 и 2-пудовые, 24, 12, 6 и 3- фунтовые; гранаты 20, 10 и 6-фунтовые; кнепели, брандсгугели и картечь № 1 — 8. Военные заказы выполняли казенные заводы Златоустовского горного округа и частновладельческие заводы горных округов: Кыштымского (Кыштымский, Каслинский, Нязепетровский), Сергинско-Уфалейского (Уфалейский), Катав-Ивановского (Катав-Ивановский, Усть-Катавский и Юрюзань-Ивановский) и Симского (Симский и Миньярский).

Ядра, бомбы, гранаты и картечь изготовлял Нязепетровский завод. На Кыштымских заводах отливка снарядов началась в апреле 1811 г. и, несмотря на большие трудности освоения нового производства, они дали в том же году 11860 ядер, 7450 бомб, а в 1813 г. — 17800 ядер и 8000 бомб...

По определенным нарядам уральские заводы отлили снарядов 293027 пудов в 1811 г., 180207 пудов — в 1812 г. и 292383 пуда — в 1813 г., а за трехлетие — около 760 тысяч пудов [12]. Кроме выпуска военной продукции Кыштымские заводы поставляли рекрут по определенным нарядам: «мастеровых и рабочих людей по 83 набору рекруты 34 человека, были в самоскорейшем времени к приему представлены...».

Центральная и местная власть употребляла всевозможные меры и средства к точному выполнению и перевыполнению определенных заказов. Пермское горное правление соблюдало «неослабный надзор» за производимой отливкой и склоняло заводчиков выполнить к весеннему каравану 1812 г. не только выполняемую обязанность 1811 г., но и досрочно приготовить как можно больше орудий и снарядов, предназначенных к выполнению в наряд 1812 г., заводчикам предоставлялась широкая инициатива в досрочном выполнении заказов на снаряды.

Таким образом, возникнув во второй половине XVIII века, горнозаводская промышленность Южного Урала, в т. ч. и Кыштымского горного округа, сыграли значительную роль в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии не только в выплавке железа и меди и в производстве боеприпасов, но и в поставке рекрут. Несмотря на значимость изучения экономических аспектов в разгроме армии Наполеона, в т. ч. и роли металлургической промышленности Южного Урала, для более полной и цельной картины данного процесса необходимо продолжить исследование материалов по данной теме.

Н.А. ЛЫСАНОВА,
литератор, журналист, краевед,
член Союза российских писателей,
г. Челябинск.

МАМИН-СИБИРЯК. ПО КЫШТЫМСКИМ МЕСТАМ

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912) очень любил Кыштым. Он с удовольствием колесил вокруг него, подробно излагал о поездках в своих произведениях. У писателя были конкретные причины, побуждавшие его так часто бывать здесь. Я обозначила 16 причин.

1. Кумысолечение.
2. Страсть к путешествиям.
3. Любимый маршрут.
4. Хороший ночлег.
5. Местные легенды, предания, сказки.
6. История Кыштымских заводов.
7. Раскольничьи гнезда.
8. Контрастность: привлекательность Кыштыма и его убогость.
9. Живописная красота местности.
10. Приятные знакомства с кыштымцами.
11. Озеро Увильды.
12. Крестьянские войны, волнения и восстания рабочих.
13. Предполагаемая линия железной дороги.
14. Золотоносные места, интерес к приискам.
15. Уральские самоцветы.
16. Сбор материала для написания книг.

Принято считать, что путешествовать писатель начал по Южному Уралу в 1886 г. С ним в этот год путешествовали Мария Якимовна Алексеева (гражданская жена) и ее дочь Ольга. *«Съездить на Южный Урал было моим давнишним желанием, но все как-то не выпадал случай осуществить его, — сам об этом сообщал Мамин-Сибиряк в очерках «По Зауралью». — Нынешним летом этот вопрос был вырешен окончательно, потому что необходимо было пожить не-*

дели три на кумызе...» Кумысолечение необходимо было ему самому, Марии Якимовне, но в первую очередь — Ольге. Почувствовала она себя очень плохо в Москве, где они все находились в тот момент (1885–1886). Испугавшись, они бросились на юг, не доехали — Ольге стало хуже. Вернулись в Екатеринбург и засобирались на кумыс, в оренбургские степи, в Михайловку (рядом с золотыми приисками Кочкаря).

К тому времени Мамин-Сибиряк стал заядлым путешественником. В детстве он с друзьями обследовал все окрестности Висима, ходил на охоту, рыбачил, ночевал в лесных сторожках. Студентом оказиями добирался до Перми и Санкт-Петербурга. У него состоялись путешествия вокруг Нижнего Тагила, Екатеринбурга. Засиживаться дома он подолгу не мог.

В первое же путешествие по Южному Уралу Дмитрий Наркисович, Мария Якимовна и Ольга заезжали в Кыштым, об этом писатель сообщает в очерках «По Зауралью», написанных после этой поездки: *«К самому Кыштымскому заводу дорога подходит великолепным бором... Кыштым расположен совсем в горах...»*. Отсюда к югу начиналась та часть Урала, которая именуется «Русской Швейцарией». А Соймоновская долина считалась одной из самых здоровых местностей на Урале. Горному ландшафту Кыштыма особенную прелесть придавали бесчисленные озера, начиная с Сугомака.

Одна из дорог на Южный Урал лежала через эти заводы. Мамин обожал добираться до них по Челябинскому тракту. Он признавался: *«...самим собой я себя чувствую только на убогом русском просторе, среди простого русского народа, и особенно в дороге, где-нибудь на глухом тракте или просёлке. ...А как хорошо, когда сидишь в дорожном экипаже и гредишь под перезвон дорожного колокольчика, убаюканный мерным покачиванием! Живя на Урале, я особенно любил поездки на юг от Екатеринбурга, по так называемому Челябинскому тракту. ...Справа громоздятся синими контурами лесные горы, слева стелется распаханная степь, кой-где мелькают степные озера, точно громадные окна»*.

Сегодня, наверное, с точностью определить все его маршруты невозможно. Как он проследовал на Южный Урал, куда свернул, что обогнул, вернулся, заблудился... Мамин мог приехать на Южный Урал и по Гороблагодатскому тракту, но возвращаться всякий раз стремился через Кыштым. Для него давно было неважно, когда путешествовать. Зимой? Летом? В распутицу или в дождливую осень? В очерке «Исторические» люди» читаем: *«Самый тракт в осеннее время представляет собою одну сплошную непролазную грязь, по которой тройка почтовых лошадей едва может двигаться со скоростью трех верст в час. За-*

жоры, колдобины и настоящие ямы составляют то, что принято называть колеей». Он стойко переносил дорожные неурядицы, ворчал, конечно, как все мы, но подробно излагал большие и маленькие происшествия в своих рассказах: «Попало несколько обратных почтовых троек; в стороне дороги, по утоптаным тропинкам, тянулись вереницы богомолок, спешивших в Екатеринбург к Тихвинской», — написано в его рассказе «Все мы хлеб едим...». Обыкновенная деталь русского бездорожья не ускользнула от него: богомолки явно спешили в Тихвинский женский монастырь.

Настроение у писателя в первую поездку было с грустинкой, как и у Марии Якимовны, но с надеждой на выздоровление Ольги. А вокруг была неопишуемая красота, которой писатель и его спутницы не могли не восторгаться: «Жаркий июньский день. Воздух накалён до того, что дрожит и переливается, как вода, а даль чуть брезжит, повитая синева­той дымкой». В раскинувшееся «море» невозможно было не влюбиться! Дмитрия Наркисовича впечатлял особенно тот факт, что озеро свыше 60 верст в окружности! Бесчисленное множество раз описал Мамин-Сибиряк Увильды, как, наверное, никто этого не делал до него: «Скоро показался уголок последнего громадного горного озера Увельды, которое в длину имеет 25 верст и в ширину — 20, — находим в книге «По Зауралью». — Глубина достигает 25 сажен. Замечательно то, что в Увельдах вода совершенно прозрачная и можно отчетливо рассмотреть каждый камушек на глубине нескольких сажен».

Не только озеро Увильды поразило Дмитрия Наркисовича своей красотой. И Таганай! И Вишневые горы! И решили путешественники сюда возвращаться. Но приезжать станут Мария Алексеевна и Дмитрий Наркисович. Ольга умерла в конце 1886 г. от чахотки, лечение кумысом ей не помогло.

«В течение десяти лет писатель внимательно изучает жизнь Урала, — написал К. Боголюбов в своей работе «Вопросы творческой истории романа «Три конца». — Изучает не как наблюдатель, а как живой и заинтересованный участник этой жизни. Он без конца ездит по заводам. Кроме Н. Тагила, где он и прежде часто бывал, он едет в Невьянск, в Ревду, в Кыштым». Писатель очень подробно изучил историю заводов и знал, что долгие годы жили в кыштымских краях башкиры. Беглые люди сюда прибывались. Затерялся человек — никто не найдёт. Беглые и башкиры жили дружно. Еще в середине XVIII столетия в уральской тайге на берегу рек Сугомак и Егоза стояли повсюду башкирские зимовья. Слово «кыштым» примерно и означало по-башкирски — тихое зимовье.

Кругом дремучие леса, бесценное зверье, реки, изобилие дорогой рыбы, пади, сочные луговины. А в недрах — неисчерпаемые богатства: металл да

драгоценные камни. Писатель увлекался уральскими камнями. Знал особенности кыштымских месторождений и со знанием дела сообщал в очерке «Самоцветы»: *«Совершенно отдельно стоят месторождения синего корунда на реке Борзовке в Кыштымской даче и копь хризолитов около д. Полдневной. Хризолиты напоминают цветом изумруды, но жёлтые и впадают в смоляно-чёрный цвет. Ценятся так называемые чайные хризолиты, которые играют разноцветными огнями, как бриллианты».*

Первым заводчиком был Коробков. Затем его владения скупил Никита Демидов. Им в 1754 г. было приобретено 150 тысяч десятин по 72 рубля за десятину. Кыштымский завод был поставлен Демидовыми в 1757 г. — по купчей крепости добродушные башкиры уступили заводчику огромный край. Целых 600 тысяч десятин всего за 250 рублей ассигнациями, с условием, что им разрешалось, как прежде, хмель щипать, на охоту ходить, рыбу ловить. А Демидовы и их отпрыски этими промыслами здесь заниматься права не имели — на том и сошлись.

«Демидов был могуч в размахе и силе: не медлил он и в первые же годы поставил два Кыштымских завода — Верхний и Нижний», — писал Е. Фёдоров в своей книге «Кыштымский зверь». Строили их подневольные люди, которых заводчик не жалел и гонял со всей Руси. Мастеровые с Тулы, кержаки с Заволжья, мастеровые из самой Москвы. Всех поработил, заставил работать у домен. Он и своих крепостных из Калуги согнал в кыштымские леса. Также к его заводам приписали семь тысяч крестьян из сибирских деревень и оренбургских степей. Вот чьи потомки проживают сегодня в Кыштыме! *«Кстати, кыштымские жители славятся по всему Уралу своей красотой — это все переселенцы из разных великорусских губерний, но мы ничего похожего на красоту не встретили: может быть, попали не в час или кыштымская красота тоже ушла вместе с кыштымской зажиточностью»*, — сообщал писатель в своих известных путевых записках. И в крестьянской войне 1773–1775 гг. жители принимали активное участие. А о работном человеке Кыштымского завода Демидова воевода Челябинска Лазарев писал: «Он, Туманов, извергу Пугачёву важный сообщник и по причине знания татарского языка и российской грамоте читать и писать, всю Башкирию и великое число русских взбунтовал».

Затем правнук Демидова продал дедово состояние Льву Расторгуеву (1805 или 1809), который, по слухам, был с Поволжья, из города Вольска. При нем образовался Кыштымский горный округ с комплексом железодельных заводов. На заводах зверствовал Григорий Зотов. *«Нужно заметить здесь, что Зотов был раскольник и сильно покровительствовал своим единоверцам, поэтому Кыштым и Касли остаются самыми крепкими раскольничьими гнёз-*

дами и сейчас», — подмечал Дмитрий Наркисович. В основу своего романа «Приваловские миллионы» писатель вписал действительные факты из биографий уральских богачей. Его герой Тит Привалов похож на Григория Зотова. Об этом герое в журнальном варианте было напечатано, что он, «добившись звания заводского управителя, явился каким-то исчадием своего ужасного века и с бессердечием дикого зверя играл жизнью своих жертв...». В очерках «От Урала до Москвы» говорится: «Известный заводчик Зотов ходил по фабрикам с пистолетом и стрелял ослушников, как зайцев». В очерке «Город Екатеринбург» писатель рассказал о Зотове еще подробнее.

Но Зотовский дворец в Кыштыме порастил писателя своей архитектурой и красотой. Он напомнил ему крепость феодальных времен, об этом факте писали Удинцев и Боголюбов в своей книге «Певец Урала». Да и сам писатель оставил запись: «Другой достопримечательностью является здесь знаменитый господский дом, то есть дворец, выстроенный еще «самим Зотовым»... Осмотреть это чудо путникам не удалось, потому что в нем на тот момент проживали два управителя, а в самом старинном помещении и вовсе устроили сторожку. Мамин возмущался, что, дескать, старину всюду истребляют варварским способом.

Однажды, не доезжая озера Увильды, встретили путешественники бабу с ребятишками, и все накопленные писателем положительные эмоции как корова языком слизала. Что это была за баба с ребятишками, рассказывают Удинцев и Боголюбов в той же книге: «Недалеко от дороги в лесу стояла привязанная к дереву лошадь, рядом с ней возле телеги куча оборванных ребятишек и баба, до того худая и несчастная, что Дмитрий Наркисович тотчас же велел остановиться». Писатель стал ее расспрашивать. Женщина поведала, что пробирается с детьми с Соймоновских промыслов, муж умер четыре дня назад, а из детей осталось только шестеро, и то двое захворали. Еды у бабы с ребятишками не было, костер нечем было развести. Дмитрий Наркисович отдал им все съестные запасы и все деньги.

Тяжела была жизнь простого народа. Из истории писатель знал, что в 1822 г. в этом округе произошло одно из первых в России рабочих восстаний, в которых приняло участие 10 тысяч мастеровых. Кыштымцы написали жалобу в Пермь и Екатеринбург на бесчинства хозяев. В ответ пришло распоряжение заводчика, чтобы 98 работников незамедлительно отправились за 120 верст в Шемахинский завод. Не один рабочий в Шемахинский завод не поехал. Кто числился в списке на переезд, перестали выходить на работу. Рабочие захватили завод в свои руки, выделили из своей среды руководителей восстания. Слух о волнениях дошел до министра финансов Гурьева. И в Кыштым выехали

трое: Булгаков — пермский берг-инспектор, Шудров — сысертский исправник, Солонин — чиновник екатеринбургских горных заводов. Они боялись, что волнения могут перейти в открытое сопротивление, но очень хотелось выслужиться перед министром. Восстание было подавлено, а предводители казнены. В Кыштым прибыл следователь — граф Александр Строганов.

И после смерти Расторгуева происходили здесь длительные и бурные волнения в рабочей среде. Эти волнения заставили Петербург заняться заводами. В уезде Екатеринбургском Кыштым был тогда самым населенным. Долгие годы кыштымские заводы сосредотачивали свою деятельность в разработке железных руд, в плавке чугуна, выработке кровельного железа. Народ жил здесь самостоятельный, сам все решал, потому волнениями встретили кыштымцы и реформу 1861 г. Не зря Мамина-Сибиряка заинтересовали эти места. Не зря!

В «Екатеринбургской неделе» в 1886 г. Мамин опубликовал статью «Кризис уральской горнопромышленности». В ней он дал оценку состояния уральской промышленности: *«Именно возможность получения прибыли без всяких затрат вызывает технический застой уральской промышленности в XIX веке»*. Аналогичная его оценка дана в произведениях «Родительская кровь» и «Самородок». И в 1887 г., снова выехав на Южный Урал, писатель изучает заводы. Его внимание притягивала жизнь простого человека. Неприглядные картины встречались повсюду: *«...Вас прежде всего поражает совершающийся здесь процесс омертвения, как и в Кыштыме — там люди, лёжа на золоте, скоро будут умирать с голоду...»*. Это его наблюдение отражено все в той же книге «По Зауралью».

Большинство кыштымцев жили скудно. Учить детей им было не на что — с воды на хлеб перебивались. А тут ещё Екатеринбургское земство в 1886 году сократило бюджет, постановило не отпускать бесплатно даже учебники школам. Поговаривали и о платном обучении, хотя каждый год от заводского управления шли перечисления. В уставной грамоте по Верхне-Кыштымскому заводу Кыштымской волости, совершенной еще 20 сентября 1861 года, было указано: «8-я школа отходит на попечение общества, и общество получает на этот предмет пособие от владельцев по четыреста рублей серебром ежегодно навсегда». Но кыштымские училища бедствовали, а учителя чуть ли не с голоду умирали.

Писатель жалел бедняков, но всем помочь был не в силах! Изучал, наблюдал, высказывал свое мнение. «В Мамине были живой темперамент, общительность, жадный и вместе систематический ум, — так охарактеризовал писателя исследователь А. Горелов. — Эти черты счастливо помогали ему входить во

внутреннюю жизнь уральских сословий и скоро отзываться на запросы текущего времени».

После поездки по Южному Уралу в 1887 г. у Дмитрия Наркисовича появится рассказ «Ночёвка». Он покажет в нем не самые приглядные картины Челябинска, и с ночлегом в нем было проблематично. Попасть на квартиру в Кыштыме тоже было непросто, потому останавливаться на ночлег писатель предпочитал где-нибудь поблизости. Но один раз ему посоветовали доехать до бывшего трактира. Трактиры встречались в Зауралье крайне редко. Мамин не поверил в удачу, но поехал отыскивать указанный адрес. А квартира оказалась прекрасной! *«Если что хорошо в Кыштыме, так это лесистая и довольно высокая гора Сугомак, до которой рукой подать — всего верст пять, — радовался виду из окна писатель («Кусочек чёрного хлеба»). Рассказ. — На Сугомаке есть пещера, которую нам очень хотелось осмотреть, но помешала погода, хотя с этой целью мы остановились здесь ночевать».*

За десять лет Мамин-Сибиряк исколесил вдоль и поперек Урал. Приноровился. Знал точно, где можно и нужно остановиться. Кыштым как раз стал для него таким удачным населенным пунктом. Вот еще доказательство этому: *«... ведь Анна Сергеевна (героиня рассказа «Кусочек чёрного хлеба» — ав.) совершенно спокойно могла переночевать в Кыштымском заводе, но она решила, что поедет дальше, и, несмотря на все уговоры, отправилась дальше.*

— Вам придется ехать горами целых тридцать шесть верст, — уговаривали ее. — Дорога лесная, а на Соёминской станции всего одна изба, где вам придется заночевать с детьми...».

Тридцать шесть верст ехать от Кыштыма, не зная, будет ли у тебя возможность получить отдых на станции в одной-единственной избе? Возможно, придется отмахать такое же расстояние или большее до следующего ночлега. Мамин знал, чем дальше дорога уходила вглубь Южноуралья, тем реже встречались поселения и шире открывалась необъятная степь. Но отказаться от путешествий был не в силах! Там, где не было ночлега, писатель мог спокойно переночевать под открытым небом. *«Я предпочел ночевать на свежем воздухе, в экипаже, — находим в его эскизе «Правильные слова». — Не могу не сказать несколько благодарных слов об этом удивительном сооружении, которое называется сибирским тарантасом, тем более что оно, вероятно, в недалеком будущем отойдет в область предания. Представьте себе экипаж, в котором вы можете вытянуться во весь рост, как на собственной кровати, экипаж который защищает ваши бока от самых отчаянных толчков, экипаж, в котором помещается до двадцати пудов клади, — одним словом, целый дом на четырех*

колесах, приспособленный к тысячеверстным путешествиям по грунтовым трактам. С проведением железных дорог, конечно, тарантас мало-помалу совсем исчезнет из обихода, и мне вперед делается его жаль, как жаль, когда разорят родное гнездо».

О начале возведения железной дороги на Южном Урале он был наслышан. Ему хотелось проехать по тем местам, которые скоро, как он предполагал, захватит строительство. Он сообщал, что направление от Златоуста пока еще не определено, но, возможно, дорога пройдет через Кыштым. Так что Кыштым вошел в список тех мест, которые писатель думал посетить. Ему хотелось запечатлеть первозданную природу. Проехать по тем местам, которые скоро захватит строящаяся линия дороги Самара — Уфа — Златоуст.

Под Кыштымом у писателя появился очень хороший знакомый — Аполлинарий Васильевич Новиков (1851–1902), фельдшер. Он являлся членом УОЛЕ, как и писатель, потому часто бывал в Екатеринбурге на занятиях любителей естествознания. Приезжая в Екатеринбург, Новиков навещался в гости к Дмитрию Наркисовичу. Одну такую встречу с чаепитием запомнила дочь Новикова (Мария Рябинина), «...где-то близко от старого телеграфа и Пушкинской ныне улицы». Скорее всего, встреча их произошла в доме Мамина-Сибиряка, где сейчас его музей.

В июле 1888 г. вновь состоялась поездка писателя по Южному Уралу. Он уезжал все дальше и дальше от Екатеринбурга. Побывал в Башкирии, но постоянно наезжал в гости к фельдшеру. В 1888 г. писатель приезжал к нему не один, а вместе с художником Владимиром Гавриловичем Казанцевым (1849–1902). Екатеринбургцы отправились сразу на озеро Увильды — это 18 — 20 км от Кыштыма. Отвозил их туда Новиков на лошади, и сам же потом ездил за ними. Друзья писали этюды. Мамин в это время увлекся живописью. После этой поездки у Дмитрия Наркисовича появился рассказ «Три друга» («Приёмыш»). А у Казанцева — картины: «За Уралом», «На Увельдах» и другие.

С Казанцевым писатель приезжал сюда не раз. Эта поездка, о которой рассказала дочь фельдшера, по-видимому, была не первой. О другой поездке Дмитрий Наркисович подробно рассказал в произведении «Мёртвое озеро» (Из летних экскурсий). Затемно друзья добрались до Саймы, рыбацкой избушки на берегу Увильдов. «Я особенно волновался, — сообщал писатель, — потому что по слухам наскзал своему спутнику про озеро Увельды всяческих чудес, а так как сам не видел его, то рассказы и слухи могли и не оправдаться, что случается нередко». Это предложение дает мне право думать, что писатель приезжал в Кыштым еще до 1886 г., потому что в 1886 г. и озеро он видел,

и кыштымские заводы тоже. Возможно, это было в 1885 г.? Возможно, еще раньше? О Новикове Мамин в этом рассказе не упоминает, только о ямщике. В том же рассказе можно прочесть: «...Увельды славилось своими рыбными ловлями и массой дичи. Ружье и записная книжка во всех поездках по Уралу для меня составляли весь багаж, а тут в перспективе предстояло прожить в лесу целую неделю в оригинальной обстановке рыбачьей стоянки». Значит, Мамин не писал этюдов, а только рыбачил и записывал впечатления. Этюдами занимался Владимир Гаврилович. И жили они с Казанцевым на берегу озера целую неделю, а не три дня. Видимо, поездки, о которых я говорю, состоялись в разные периоды.

А к Новиковым писатель приезжал, скорее всего, в 1888, 1889, 1890, может быть, и в самом начале 1891 г. В одну из таких встреч Мамин расспрашивал дочь фельдшера Марию о крестнике, крестными которого они стали в 1888 г. в семье Шаваевых в Екатеринбурге. Они стояли у купели новорожденного в тот день как кум и кума. Но не Мария и не Дмитрий Наркисович не вспомнили имени своего крестника. Этот случай и вызвал общий смех. Точно указать дату этого приезда писателя к отцу Мария затруднилась.

Когда Дмитрий Наркисович засобирался на Южный Урал в 1889 г., то прежде обратился в общество любителей Российской словесности с письмом.

«Каждое лето мне приходится путешествовать по Уралу, и по пути я не упускаю случая записать всё, что касается этнографии и вообще бытовой обстановки этого обширного и разнообразного края. Между прочим, мне хотелось бы заняться собиранием песен, сказок, поверий и других произведений народного творчества, поэтому решаюсь обратиться к обществу с просьбой, не найдёт ли оно возможным выдать мне открытый лист для указанной выше цели. Значение такого листа хорошо известно всем исследователям глухих уголков далёкой провинции, где можно натолкнуться на неприятные недоразумения и препятствия.

*Действительный член Общества любителей
Российской словесности Дмитрий Мамин».*

Из письма видно, что его интересовало устное народное творчество. Он гонялся за легендами и преданиями с азартом настоящего коллекционера, потому что знал, в них зашифрована информация о древности, народах, обычаях. Впервые еще студентом он принялся за сбор таких сведений. Наркис Матвеевич, отец его, помогал ему в этом. Теперь же писатель сам стоял у

истоков народного творчества: на старой кыштымской дороге, ведущей к Тютнярам, в дремучем лесу у болотца увидел два камня-гранита. Они до сих пор там лежат. Не было на них ни надписей, ни моха, как будто вчера их кто-то положил. Один гранит Дунькиным сундуком народ называл и называет, а другой — Самсонкиным гробом величает. Старые люди ему рассказывали, что на древнем Уральском хребте нет грознее горы Сугомак и долины спокойней Кыштыма. Долину, словно невесту любимую спрятал Сугомак, загородил собой. В эту сторону день и ночь дул злой Карабаш — чёрная голова самого шайтана. От него берёт Сугомак Кыштымку.

Писатель открывал для себя Южный Урал из глубины, из недр доставал драгоценное богатство — устное народное творчество степняков, горщиков, крестьян, рабочих. Много насобирал материала, столько накопил, что хватило не на один десяток книг. Любил здесь в старину народ рассказывать сказки. Они украшали бедную жизнь, судьбу каторжную. Сбором легенд, преданий сказок, поверий занимался на Урале также учёный М.Г. Китайник и сделал вывод: «Районами, имевшими наиболее богатый сказочный репертуар, оказались Чердынь, Соликамск, Дедюхин, Верхотурье, Шадринск и особенно Кыштымо-Каслинский округ».

В конце восьмидесятых и начале девяностых годов XIX в. Мамин-Сибиряк совершал длительные поездки с Иваном Васильевичем Поповым. Где они только не были! Часто приезжали на Южный Урал. Здесь они останавливались прямо на приисках. Ещё в XVIII-XIX вв. на Урале были открыты месторождения рудного золота в районах заводов Гороблагодатского, Миасского, Невьянского, Каслинского, Кыштымского, Уфалейского, Нижнетагильского и других.

У Мамина и Попова всюду завелись хорошие знакомства, их встречали на приисках как давних приятелей. Эти поездки потом оба вспоминали с удовольствием, об одной такой, по-видимому, Дмитрий Наркисович написал в своём эскизе «Горная ночь»: *«Мы путешествовали по Южному Уралу с полным комфортом, какой может дать только привольная жизнь на золотых промыслах. Мой спутник, любил удобства вообще, а в данном случае хотел сохранить престиж главного управляющего целой золотоносной системы. В этих видах впереди нас шла тройка с палаткой и кухней, а назад — другая тройка, с прислужгой. К этому еще надо прибавить проводников и почетную стражу из любопытных башкир. Вообще вся обстановка путешествия носила импонирующий характер и на языке промысловой арифметики стоила сущий грош, потому что лошади все равно стояли по конюшням даром и требовали*

проминки, а промысловая челядь, ютившаяся около главной конторы, все равно получала бы свои харчи».

У Попова на реке Маралке будто бы был прииск, в селе Аятском были прииск и усадьба. Пробы на золото на реке Маралке оказались небогатыми. И друзья решили арендовать золотоносные участки у башкир. Для этого сделали несколько поездок за Шемахинский завод, в Арсланскую волость. А это как раз за Кыштымом! Проба на золото оказалась удачною. Но разработка золотоносных участков дальше этого не пошла — утверждение приговора башкир Арсланской волости было задержано в губернском присутствии.

Друга своего Мамин вывел в очерках «Самоцветы» под именем Василия Васильевича (1890). Почему Мамин доверял Попову, ведь в народе по поводу него были разные толки? Например, екатеринбуржец А. А. Анфиногенов (краевед, библиограф) утверждал, что Попов не был золотопромышленником, а работал в окружном суде. С работы был снят и отдан под надзор местной полиции за излишнюю настойчивость в деле о крестьянских покосах в Невьянском заводе.

Просто желание Мамина совпало с желанием Попова — заняться золотыми приисками. Оба были жадными до путешествий. Объединяло их и совместное литературное творчество: сохранились три письма Дмитрия Наркисовича Попову, в которых писатель просит друга прислать ему материалы о суде для написания произведений. Главное — они знали друг друга давно. Их знакомство завязалось ещё в семинарии, где они учились в одно время. Когда Мамин приехал из Петербурга на Урал (1877), их дружба, естественно, возобновилась. Именно при участии Попова Мамин-Сибиряк купил дом себе на Соборной (Пушкинской) улице и лошадь для поездок по окрестностям.

В 1890 г. Мамин-Сибиряк приезжал в Кыштым уже со второй женой, Марией Морицевной Абрамовой (тоже гражданской). С ними была девочка лет четырёх-пяти, сестра Марии Морицевны, Елизавета Морицевна (потом — жена писателя Куприна). Дмитрий Наркисович заказал тогда с помощью Аполлинария Васильевича Новикова короб для экипажа. Сохранилось у Новиковых письмо (1890), в котором Мамин-Сибиряк просил друга поторопить работу экипажника и дополнить короб кожаным фартуком.

В начале марта 1891 г. писатель с Марией Морицевной проследовал через Южный Урал в том самом экипаже, который заказывал мастерам в Кыштыме. Влюблённые уезжали на постоянное место жительства в Санкт-Петербург. Жизнь же кыштымцев продолжала течь своим чередом.

Т.М. ДАВЫДОВСКАЯ,
директор МУ
«Централизованная библиотечная система»
Кыштымского городского округа,
заслуженный работник культуры РФ.

КЫШТЫМ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Символично, что в год 255-летия Кыштыма общественность нашего города отмечает 75-летнюю годовщину рождения литературного объединения «Грани». Оно образовано в 1937 году. Его ядром в то время являлся творческий кружок, работавший при Кыштымском педагогическом училище, который вела преподаватель русского языка и литературы Мария Федоровна Меньшикова. Молодые авторы публиковались в городской газете, выпускали рукописный журнал, который оформляла поэт и художник Юлия Ичева. Активным членом литобъединения был М.П.Аношкин. Позже в книге «Рубежи» он оставил об этом свои воспоминания. Мы гордимся, что М. Аношкин — автор 25 книг, пьес о людях Урала, товарищах по оружию и наш земляк. Книги его дороги и интересны кыштымцам своим уральским, самобытным языком, описаниями мест, событий, которые могли произойти только здесь, в Кыштыме.

В годы Великой отечественной войны, несмотря на все военные тяготы, при ремесленном училище №12 существовал литературный кружок под руководством учителя средней школы №1 А.Д. Шишкиной. Наряду со сводками с фронта на страницах газеты публиковались поэтические строки, призывающие к победе над врагом.

Страницы городской газеты помогают проследить за литературной жизнью в нашем городе после войны. Среди авторов И. Шевяков, М. Лиснянский, Д. Захаров, А. Семенов, П. Шубин, Г. Костин, В. Журавлев, С. Васильев и др. Стихи тех лет отличал особый подъем, авторы делятся радостью жить, пишут о родном городе.

В 1947 году в клубе имени Кирова состоялась встреча интеллигенции города с прибывшим в Кыштым писателем Е. Федоровым. Писатель рассказал о своей работе над продолжением романа «Демидовы», поделился воспоминаниями о жизни осажденного Ленинграда.

Особенно частым автором городской газеты в те годы был Василий Иванович Щербаков. Публиковался как корреспондент газеты, помещал свои стихи.

В 50–60 гг. он — руководитель ЛИТО. В.И. Щербаков помог раскрыться многим молодым дарованиям. В эти годы крепло мастерство Ю. Гребенькова, В. Толокнова, А. Терентьева, Т. Жижченко, А. Ерошкина, Н. Тернавского. В газете существовали постоянные рубрики: «Литературная страница», «Литературный Кыштым».

Василий Щербаков печатает свои поэтические сборники о Кыштыме: «Тайгинка», «Черемшанка», «Лесной родник», «Кыштымская тетрадь».

Одним из жанров тех лет была басня. Авторы Н. Тернавский, В. Щербаков, А. Завадский. Писались сатирические произведения «на местные темы». Среди членов литературного объединения было много рабочих городских предприятий, публиковались произведения местных авторов, написанные для детей.

В семидесятые годы руководителем литобъединения стал Ю.К. Гребеньков — поэт, сказитель. Придумали ЛИТО новое название — «Агат». В субботних номерах городской газеты под специальной эмблемой с летящими страницами «литературное объединение» приглашало начинающих авторов на свои заседания, печатались лучшие произведения членов объединения. Среди авторов тех лет: Л. Галкина (впоследствии руководитель литобъединения «Синегорье» г. Озерска), М. Сидякин, Б. Кириллов, А. Селичкин, А. Ерошкин. В 1974 году газета вела постоянную рубрику «Каменные берега». Здесь опубликован целый цикл стихов Ю. Гребенькова. На страницах «Кыштымского рабочего» первую публикацию увидели и сказы Ю.К. Гребенькова, которые позднее были изданы отдельной книгой «Тайна горы Сугомак», вошли в сборник кыштымских сказов «Золотыми тропами легенд» вместе со сказами С. Власовой, в 2007 году вышел авторский сборник стихов.

«В малых городах России в каждом своя изюминка. В Кыштыме есть одна кладовая драгоценностей, которая делает его городом особенным. Эта кладовая — творческое наследие Ю. Гребенькова. Удивительный талант был у человека — собирать самоцветные уральские слова, запоминать от старожил легенды, предания, многие из которых под его вдумчивой и бережной огранкой превратились в сказы о старом Кыштыме», — скажет в своей книге «Годы. Вы как чуткие струны» заслуженный работник культуры А.И. Морозов. 20 июня 2012 года Ю.К. Гребенькову исполнилось бы 75 лет.

С 1976 по 1986 гг. ЛИТО меняет вновь свое название — «Сугомак». Руководит член союза журналистов Э.М. Новак. Она называла литературное

объединение «литературным цехом». В нем сотрудничали рабочий Аргаяшской ТЭЦ Н. Баранов и монтажница радиозавода Л. Санникова (Щелконогова), ветераны войны и труда В. Востротина, М.П. Сидякин, инженеры А. Мальцев, В. Арямнов, А. Плотников, библиотекарь Т. Волкова. Продукцией цеха были стихи, новеллы, рассказы.. Появился цикл очерков Л. Хаминой о людях Кыштыма, который позднее был включен в ее сборник «Самородки в россыпях судеб» . 60 книг вышло из-под пера Лидии Александровны: очерки, рецензии, новеллы о природе, мягкие, светящиеся солнечными лучами сказки, где добро и справедливость побеждали зло и неверие в жизненные силы, стихи, на многие из которых написаны песни.

В течение многих лет в один из вторников месяца собирались «сугомаковцы» на свои заседания. Пишущему человеку непременно нужна среда единомышленников.

Сама Эмилия Новак издаст авторские сборники: « Такие разные судьбы», «Вечная заря».

Вторым рождением литературного объединения можно считать 1998 г, когда городская библиотека собрала в своих стенах городских поэтов, как опытных, так и начинающих. Руководителем самодеятельного объединения, названного своим изначальным именем «Грани», стал В.П. Толкоков. Кыштымец, инженер и учитель, художник, признанный поэт, автор 7 поэтических сборников. На стихи Толкокова написано более десятка песен. Под руководством Виктора Павловича в 1999 году вышел сборник избранных стихов «Не переводя дыхания», в который вошли стихи 19 кыштымских поэтов за 50 лет. Выход сборника стал настоящим праздником для Л.И. Товцев и не остался не замеченным в городе.

Виктор Павлович для членов литобъединения был мудрым учителем, добрым другом и советчиком. Появилась возможность местным авторам издавать свои поэтические сборники. Так увидели свет стихи кыштымцев: П. Ткачева, Д. Одиноких, Ю. Невзорова, Л. Бессоновой, И. Клементьевой, А. Струниной, Ю. Никулиной, К. Дмитриной. В 2001 году вышел сборник стихов В.П.Толкокова «Лицом к дороге». Заслужой В.П. Толкокова и руководивших впоследствии литобъединением Д. Одиноких и Ю. Невзорова были коллективные сборники «ЛИТовцев», носившие название «Грани». Всего вышло четыре выпуска «Граней». В четвертый выпуск были включены произведения авторов-детей.

При центральной детской библиотеке открыто детское отделение ЛИТО «Грани» (2002 г.).

Стихи и проза членов «Граней» печатаются в литературных журналах «Наш современник», «Уральский следопыт», «Единая семья», «Уральская новь» и др. Писатели и поэты принимали участие в городских, областных и межрегиональных конкурсах. Поэт и прозаик Ю. Невзоров стал лауреатом областного конкурса «Стилисты добра». Поэт и бард Д. Одиноких — лауреат многих песенных конкурсов. В центральной городской библиотеке несколько лет подряд проходили фестивали литературы малых городов России имени поэта В.П. Толокнова.

По инициативе уральского поэта и издателя, руководителя литобъединения «Грани» Александра Петрушкина в 2006 году в Кыштыме проходил 4-й фестиваль актуальной литературы Урала и Сибири «Новый Транзит». В чтениях приняли участие поэты из 15 городов Урала и Сибири.

Александр Петрушкин — главный редактор литературного журнала «Новая реальность», автор восьми сборников, лауреат уральского фестиваля поэзии «Глубина». В 2007 он стал лауреатом премии «ЛитератураРентген...» как лучший нестоличный издатель поэзии и вошел в шорт-лист литературного конкурса «Tamizdat» (Соединенные Штаты Америки).

Председатель жюри Кыштымских фестивалей, заместитель председателя Челябинского отделения Союза писателей России Олег Павлов обозначил Кыштым как прорывной город в литературе Южного Урала.

Нельзя не сказать о таких интересных людях, как А.И. Морозов, автор 6 замечательных сборников о людях Кыштыма. Именно он поднял огромный пласт культурной жизни города, назвав Кыштым «городом талантов»; В.В. Казаков, удивительный краевед, умеющий рассказать читателю о природе и истории города.

Творческая жизнь кыштымских ЛИТовцев продолжается. Об этом говорят презентации новых сборников, которые готовятся и проводятся в центральной городской библиотеке. В 2011 году состоялась презентация очередной книги Дмитрия Одиноких под названием «Золотая рубаха заката». Это четвертая книга местного автора и барда. Новая книга полна философских раздумий поэта об окружающем мире и собственной душе. В этом же году Н. Водолеева вошла в шорт-лист национальной премии «Поэт года».

С развитием новых технологий литературная жизнь перешла на новый формат. Сегодня с творчеством наших поэтов можно познакомиться в сети Интернет на евразийском журнальном портале «Меголит», на российском культурном портале «Золотые врата Урала».

В.Н. НОВОСЁЛОВ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и философии
Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
г. Челябинск.

АГЛОМЕРАЦИЯ ОЗЕРСК — КЫШТЫМ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Становление и развитие агломерации Озерск — Кыштым происходило в несколько этапов. На начальном этапе в 1945–1947 гг. Кыштым являлся главной базой развертывания строительства первого в СССР предприятия атомной промышленности плутониевого комбината № 817. В сентябре–ноябре 1945 года в непосредственной близости от Кыштыма геодезистами «Челябметаллургстроя» велся поиск площадки для предприятия из трех возможных вариантов: между Кыштымом и рекой Уфой, у станции Маук и на озере Кызылташ государственная комиссия во главе с А.П. Завенягиным после острых дискуссий выбрала последнюю по счету площадку.

С ноября 1945 года началось активное вторжение строительства № 859 в давно устоявшуюся жизнь старого центра горнозаводской промышленности. Строители сразу же повели себя агрессивно. В глазах кыштымцев они выглядели непонятно откуда взявшимися самозванцами, захватившими подсобные хозяйства, места отдыха, рыболовства и охоты испокон веков пользовавшиеся популярностью у местного населения. При этом аппетиты строителей росли. К 1948 году стройка поглотила все колхозы с их угодьями, расположенными между озер Иртяш, Кызылташ и Большая Наного. Небывалое по масштабам строительство перегородило интенсивно использовавшуюся дорогу из Кыштыма в Касли, что шла через Старцю Течу.

Самое большое неудобство заключалось в том, что постановлением правительства вводилась особо режимная зона в радиусе 30 км от комбината. Вследствие этого органами внутренних дел принудительно выселили семьи, в которых имелись люди с уголовным прошлым или политически неблагонадежные. Безо всякой вины выселялись колхозники, жители заимок, рыболовцевких бригад, пожилые люди, чьи постройки находились на территории

будущего комбината. В этих случаях государство выплачивало денежную компенсацию. Кроме того, по желанию хозяев предоставлялся транспорт для перевозки построек, не имевших высокого процента износа.

Под давлением уполномоченного Совета Министров СССР генерала И.М. Ткаченко по условиям особо режимной территории Кыштым лишился в 1948 году горного техникума и педагогического училища. Только с помощью обкома ВКП(б) удалось отстоять курорт «Увильды», который всеильный генерал планировал передать атомщикам.

В феврале 1946 года на окраине Кыштыма развернулось строительство железной дороги, как тогда говорили, «на Озеро». Вслед за этим в городе стали размещаться три военно-строительных батальона общей численностью более трех тысяч человек. На улице Швейкина разместился штаб Управления военно-строительных частей. Более сотни офицеров разместились в Кыштыме, каждое утро отправляясь на стройку предприятия и рабочего поселка.

С конца сентября на железнодорожную станцию Кыштыма стали приезжать сначала десятки, затем сотни и тысячи мобилизованные для работы на комбинате рабочие, техники, инженеры, служащие и члены их семей. Если для прибывавших в Озерск ещё не было подготовлено жилье или возникали проблемы с оформлением пропуска, то их везли на Дальнюю дачу и оставляли там до окончательного решения всех вопросов.

Кыштым служил источником рабочей силы для комбината. Дело дошло до того, что в Челябинский обком партии обратился директор механического завода, лучшие рабочие и инженеры которого завербовались работать на плутониевом комбинате.

До того, как в августе 1947 года стройплощадку комбината огородили колючей проволокой, агломерация Озерск — Челябинск развивалась по классическому типу, когда Кыштым все в более возрастающем объёме выполнял функции города-спутника для бурно развивавшегося Озерска. С 1947 по 1954 гг. существовал второй этап односторонних взаимоотношений Озерска и Кыштыма, когда Озерск вбирал в себя кадры последнего, но ничего не давал взамен. Так, в 1948 году артисты Кыштыма составили костяк труппы драматического театра в Озерске. В 1951 году заместителем директора радиохимического завода стал уроженец Кыштыма Павел Семенович Власов, затем 21 год возглавлявший уникальное предприятие атомной промышленности — Новосибирский завод химических концентратов и удостоенный многих орденов и звания Героя социалистического труда.

С середины 1950-х годов произошло снижение уровня режима секретности Озерска. Атомщикам разрешили ездить в отпуск, до 23 часов они могли находиться в Кыштыме. С пуском радиозавода жители Озерска ежедневно приезжали на нем работать. В 1960-е годы значимые для Кыштыма объекты культурного и бытового назначения возводил крупный участок Южно-Уральского управления строительства. Вновь возникла устойчивая маятниковая миграция населения сначала только жителей Озерска, а в конце XX столетия и со стороны небольшой части населения Кыштыма.

МОУ СОШ № 13 г. Кыштым

**Учащиеся: Гузынина Алена, Жамалдинов Максим,
Журавлев Данил, Маркина Яна, Мосеева Мария.**

**Руководители: Е.В. Ольшанникова,
заместитель директора по воспитательной работе;
Е.В. Трошина, учитель истории.**

ПРОЕКТ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ТУРИСТИЧЕСКОГО МАРШРУТА «ДЕМИДОВСКИЕ ЗАВОДЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Современная индустрия туризма является одной из динамично развивающихся отраслей мирового хозяйства. За быстрые темпы роста он признан массовым явлением. На сегодняшний день рынок туризма наполнен традиционными наборами туров и программ, поэтому возникает необходимость в создании новых направлений. Промышленный туризм и геокэшинг могут стать такими направлениями.

Наш город Кыштым известен на туристическом рынке как объект активного отдыха: чистые озера, пещера, трассы спортивного ориентирования. Жители Кыштыма, как показал социологический опрос, считают, что развитие туризма сделает город еще более привлекательным.

Экскурсии на действующие производства, очень популярные в Западной Европе, на российском туристическом рынке пока занимают 1%.

Сегодня в Челябинской области из 350 туристических агентств активно работают на рынке туристических услуг порядка 22-х. Анализ туристического

рынка области выявил только 7 фирм, предлагающих промышленный туризм. При этом не предложены экскурсии на предприятия Кыштыма, и экскурсии, предполагающие геокешинг.

Почему промышленный туризм и геокешинг будет интересен туристам?

- уже не вполне удовлетворяет стандартный туристский ассортимент — морские пляжи и картинные галереи
- туристы чаще стремятся к комплексным впечатлениям, совмещают отдых с познавательными элементами.

А зачем это производителям?

- очень хороший рекламный ход
- демонстрация честности и прозрачности управления, безукоризненных технологий, уверенности в своих перспективах перед лицом потенциальных конкурентов
- осмысленными становятся уборка в цехах, чистая рабочая форма, презентабельный вид оборудования
- фирма получает лояльность потребителей, эффективную поддержку брендов
- увеличивается оборот сувенирных магазинов

А зачем это городу?

- выигрывает бюджет города от увеличения товарооборота
- город приобретает новые бренды, новые неожиданные и привлекательные элементы имиджа.

Указанные факторы обуславливают актуальность предлагаемого проекта, целью которого является разработать промышленный туристический маршрут активно-познавательного направления по городу Кыштыму.

Так возник туристический продукт *«Демидовские заводы: история и современность»*.

Туристический маршрут проводится по одному из красивейших городов горнозаводской зоны Южного Урала — Кыштыму. Город богат своими достопримечательными местами и объектами, имеет интересную историю становления и развития. Неотъемлемую часть маршрута занимают экскурсии на градообразующие предприятия — Кыштымское машиностроительное объединение и Кыштымский медеелектролитный завод. Именно эти заводы когда-то и были первыми в городе, основанными самим Никитой Никитовичем Демидовым.

Группе туристов будет предложено ознакомиться с историей заводов, их развитием и современным производством. В маршруте предусмотрен обед, который пройдет в кафе, расположенном в парке, рядом с памятником феде-

рального значения — знаменитым Белым домом. Дом и усадьба хранят в себе много загадок и тайн, среди них тайна третьего этажа, слуховые комнаты, демидовские подземелья и деяния «Кыштымского зверя» — Григория Зотова.

Вторая часть экскурсии — это пешая прогулка по городу в стиле геокешинг, предусматривающая остановки у историко-архитектурных объектов города:

Дом Григория Васильевича Дружинина. Сказочный терем — бревенчатая усадьба в окружении вековых лип.

Церковь Сошествия Святого Духа на апостолов. Самое древнее каменное сооружение в Кыштыме, на острове, в центре города. Церковь построена в стиле раннего классицизма, имеет так называемый корабельный план.

Госпиталь — построенный по проекту замечательного крепостного архитектора Александра Петровича Чеботарева, Кыштымский госпиталь был одним из лучших на Урале.

Народный дом — образец архитектуры начала XX века, построенный к 300-летию дома Романовых. Постройка эклектична, фасады отличаются обилием архитектурных деталей.

Экскурсия заканчивается у Народного дома, где заложен тайник с сувенирной продукцией.

При работе над проектом нами были проработаны юридические документы, регламентирующие деятельность в туристической сфере и обеспечивающие безопасность жизни и здоровья людей, пользующихся предоставляемыми услугами.

Данный продукт разрабатывается с перспективой продажи его туристическим агентствам или другим заинтересованным лицам, что было учтено при разработке финансовой части проекта.

Нами была рассчитана себестоимость продукта. Она включает в себя: транспортные услуги (цены на них были взяты исходя из анализа рынка транспортных услуг г. Челябинска), питание, расходы на оплату труда экскурсовода, сувенирная продукция для тайника, бутилированная вода, страхование, из расчета 60 рублей на человека (страховая сумма 2000 рублей).

Таким образом, себестоимость турпродукта на одного человека будет составлять от 480 рублей. Полная стоимость, с учетом заложенной прибыли в 15%, от 545 рублей. Стоимость будет меняться в зависимости от наполняемости группы.

Анализ цен на рынке туристических услуг области показал, что предложенный продукт находится в средней ценовой категории и финансово привлекателен для любой социальной и возрастной категории потребителей.

Общая инвестиционная потребность проекта составит 3 500 рублей. Включает в себя приобретение GPS-навигатора, контейнера для закладки клада.

Выручка от продажи туристического продукта при условии проведения 2-х экскурсий в месяц составит до 537 000 рублей за первый год.

Валовая прибыль, разница между ценой продажи товара и суммой прямых затрат, уже в первом квартале, при условии наполнения групп более 25 человек при реализации продукта прибыль может составить до 20 000 рублей. И до 23 000 рублей во втором квартале, в связи с погашением инвестиционных затрат. А за год может составить до **87 000 тысяч.**

Для осуществления анализа рынка мы провели исследования на основе PEST-анализа и SWOT-анализа. Исходя из анализа было выявлено, что при реализации проекта стоит:

- опираться на такие наиболее благоприятные факторы (сильные стороны), как эффективное продвижение, хорошая реклама туристического продукта, привлекательная цена, средняя ценовая категория, адаптация новых технологий для туристического продукта (геокешинг);
- использовать внешние возможности: выгодное геополитическое и географическое положение, хорошую транспортную доступность, значительный природный и историко-культурный потенциал города;
- предусмотреть мероприятия, направленные на снижения негативных последствий по таким факторам, как недостаточная развитость современной городской туристической инфраструктуры, низкая прибыльность продукта, медленная окупаемость продукта.

Наш проект эффективен!

Во-первых, он уникален: промышленный туризм на российском рынке 1%, данный продукт не имеет аналогов в Челябинской области.

Во-вторых, финансово привлекателен: минимальные ресурсы на реализацию проекта.

В-третьих, социально направлен: способствует развитию в целом туризма в Кыштыме и Челябинской области, привлекательно для любой социальной и возрастной группы населения.

Наш проект актуален и готов к реализации, будет востребован на рынке туристических услуг с высокой вероятностью получения положительных результатов.

Откроем новые грани Кыштыма для развития инфраструктуры города!

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Город Кыштым является одним из интереснейших городских поселений Урала, который исследователи относят к особой категории городов-заводов.

Имея статус исторического поселения, Кыштым обладает значительным культурным потенциалом, интересными памятниками архитектуры, играющими важную роль для всего Уральского региона. Заводская история нашего города и его значение как центра горного округа является значимым историческим явлением в развитии России в целом. Исследователи промышленной истории Урала подчеркивают, что уральские заводы являются уникальными памятниками индустриальной культуры на территории Европы.

В городе Кыштыме 22 мая 2012 года состоялась областная научно-практическая конференция «Прошлое в настоящем», посвященная 255-летию города Кыштыма (далее — конференция), организаторами которой стали правительство Челябинской области, министерство культуры Челябинской области, министерство экономического развития Челябинской области, Южно-Уральская торгово-промышленная палата, администрация Кыштымского городского округа.

Цель проведения конференции — привлечение внимания к историко-культурному, природному наследию города Кыштыма и Кыштымского городского округа, обладающему потенциалом для развития туристических и финансовых потоков.

В работе конференции приняли участие 310 человек: специалистов, историков, архитекторов, филологов, краеведов, деятелей культуры.

В ходе проведения конференции заслушано 16 докладов.

Участники отмечают, что историко-культурное наследие Кыштыма и Кыштымского городского округа является свидетельством его культурного богатства и глубины исторической памяти, основой для будущих исследований.

Исходя из вышеизложенного, руководствуясь стремлением повысить эффективность работы по государственной охране, сохранению и популяризации объектов историко-культурного наследия, участники конференции

РЕШИЛИ:

1. Внести предложения по изменениям в законодательство Российской Федерации в части возможности финансирования объектов культурного наследия федерального значения, находящихся в региональной и муниципальной собственности, из средств федерального бюджета.

2. Министерству культуры Челябинской области предусмотреть в бюджете на 2013 год финансирование разработки стратегии сохранения и использования культурного и природного наследия исторического города Кыштыма.

3. Министерству культуры Челябинской области совместно с администрацией Кыштымского городского округа разработать перечень приоритетных мероприятий по привлечению инвестиций в целях сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Кыштымского городского округа, а также развития туристической деятельности.

4. Учитывая богатое историческое наследие округа, хорошо сохранившийся ансамбль исторического центра, состоящий из комплекса строений XVIII–XIX веков: усадьбы заводладельцев Демидовых «Белый дом» с садом и парком, комплекса механического завода с системой уникальных гидротехнических сооружений, 3-х церквей, здания госпиталя, Народного дома и других исторических объектов в качестве бренда Челябинской области рассмотреть вопрос о создании на базе объекта культурного наследия федерального значения «Белый дом» /Главный Дом/ музея-заповедника промышленного наследия областного значения «Кыштымский горный округ».

5. Через проекты социальной рекламы осуществлять популяризацию и охрану объектов культурного наследия г. Кыштыма.

6. Южно-Уральской торгово-промышленной палате издать печатное издание по материалам конференции.

7. Опубликовать информацию об итогах конференции и настоящую резолюцию на сайте администрации Кыштымского городского округа и в средствах массовой информации.

ПРОШЛОЕ — В НАСТОЯЩЕМ

**Сборник докладов участников
областной научно-практической конференции,
посвященной 255-летию города Кыштыма. 22 мая 2012.**

Отв. составитель Р.С. Галябиева
Вып. редактор И.М. Леванова
Компьютерная верстка Е.В. Лузина

Адрес редакции:
Южно-Уральская торгово-промышленная палата
454080, г. Челябинск, ул. Сони Кривой, 56.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии

